

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

173733 / 1.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ

ТОМЪ СЛХХV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Департамента Удѣловъ, Моховая улица, д. № 36.

1887

КИРГИЗСКАЯ ЛОШАДЬ, КАКЪ МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ РЕМОНТИРОВАНІЯ КАВАЛЕРІИ.

Степное коневодство.

Происхожденіе нынѣшнихъ киргизовъ-кочевниковъ съ точностью не опредѣлено; этнографическій ихъ очеркъ, также какъ и преданія этого племени, переполнены множествомъ данныхъ, не имѣющихъ значенія исторической истины, а скорѣе носятъ характеръ легенды; поэтому тщательныя изслѣдованія ученыхъ на этомъ поприщѣ, оставаясь въ предѣлахъ однѣхъ гипотезъ, не привели къ положительнымъ заключеніямъ, имѣющимъ научное значеніе. Типы, встрѣчаемые у киргизовъ, до крайности разнообразны, и это разнообразіе увеличивается еще тѣмъ, что до настоящаго времени между ними продолжаютъ существовать почти всѣ великіе типы человѣческаго общества, понижаясь до чуждаго и монгольскаго. Приведенное обстоятельство дало основаніе предполагать, съ нѣкоторою, впрочемъ, правдоподобностью, что это племя образовалось отъ смѣси различныхъ народностей, издревле жившихъ на окраинахъ неприхотливой и скудно одаренной природою степи. Особенности почвы, неблагоприятныя иногда климатическія условія, при обилии натуральныхъ пастбищъ, наталкивали аборигеновъ степи на заведеніе полезныхъ животныхъ, служившихъ исключительнымъ источникомъ ихъ пропитанія. Въ томъ же пастушескомъ состояніи мы находимъ современныхъ киргизовъ, если не исключать крайне слабаго процента, перешедшаго къ земледѣльческому труду. Такое продолжительное упорствованіе, если можно такъ выразиться, въ состояніи столь не прочно обезпечивающемъ потребности жизни, не должно насъ удивлять, если припомнимъ, что въ обширномъ нашемъ государствѣ, до новѣйшихъ временъ, продолжаютъ существовать всѣ тѣ стадіи, или разныя экономическія состоянія, которыми ознаменовался матеріальный прогрессъ человѣческаго рода, начиная отъ охотническаго состоянія. Конечно, эти значительныя различія въ состояніи нѣкоторыхъ племенъ государства

по отношенію къ производству и распредѣленію богатства должны, подобно всѣмъ вообще особенностямъ или явленіямъ, зависѣть отъ извѣстнаго рода, вполне опредѣленныхъ, причинъ. Но насколько экономическое состояніе извѣстнаго племени или народа зависитъ отъ условій матеріальнаго міра, положенія естественныхъ знаній, причинъ нравственныхъ или психологическихъ, — все это не составляетъ предмета настоящей статьи; намъ вполне достаточно, для даннаго случая, констатировать фактъ, что киргизы, подобно своимъ предкамъ, живутъ почти исключительно предметами, доставляемыми принадлежащими имъ стадами и ихъ ежегоднымъ приращеніемъ.

Какъ извѣстно, все богатство киргиза въ скотѣ, прокормленіемъ котораго обуславливается образъ жизни его, сопровождающейся безпрестанными передвиженіями съ одного мѣста на другое, въ зависимости отъ большаго или меньшаго обилія корма. Огромныя иногда разстоянія между кочевьями, недостатокъ, а иногда совершенное почти отсутствіе въ степи дорогъ, также праздная жизнь степныхъ обитателей, развили значительное коневодство, какъ самостоятельный видъ степнаго скотоводства. Въ виду важнаго значенія коневыхъ средствъ киргизовъ, не только какъ цѣннаго мѣстнаго продукта, но и для комплектованія арміи лошадьми, считаемъ не безынтереснымъ представить читателю очеркъ степнаго коневодства, основанный на официальныхъ данныхъ, мнѣніяхъ компетентныхъ въ дѣлѣ лицъ, также личныхъ наблюденіяхъ, будучи вполне убѣждены въ томъ, что, въ ближайшемъ будущемъ, процвѣтаніе и дальнѣйшее усовершенствованіе этой почти единственной, во всякомъ случаѣ, главной отрасли промышленной дѣятельности кочующихъ киргизовъ приобрететъ государственное значеніе.

Кочующіе киргизы раскинуты на огромномъ пространствѣ, занимающемъ до 45,000 квадратныхъ миль, съ поверхностью степнаго характера; площадь эта, ограничиваясь съ сѣвера и запада естественными рубежами рр. Иртышемъ и Ураломъ и протяженіемъ берега Каспійскаго моря, тянется почти безъ перерыва вдоль бассейновъ Сыръ и Аму-Дарьи черезъ Среднюю Азію и упирается въ гористую мѣстность, образуемую отрогами Тянь-Шана и Гиндукуша. Естественныя условія всей почти описанной выше степи, отличающейся бѣдною растительностью, солонцами, твердыми и сыпучими песками, недостаткомъ, иногда, въ прѣсной водѣ, представляютъ, вообще, существенныя затрудненія для успѣшнаго развитія земледѣлія, но за то благоприятствуютъ содержанію большаго количества скота. Климатъ степи, въ виду значительнаго протяженія ея какъ съ сѣвера на югъ, такъ и съ запада на востокъ, нельзя подвести подъ одинъ общій шаблонъ; тѣмъ не

менѣе, сравнительно говоря, онъ отличается замѣчательнымъ однообразіемъ чисто континентальнаго характера, при которомъ жестокіе морозы сибѣются зноемъ, сопровождающимся иногда продолжительнымъ бездождіемъ.

Въ кочующей жизни киргиза лошадь, какъ главное средство передвиженія, пріобрѣтаетъ особенное значеніе; до послѣднихъ временъ грабежъ (баранта) и коневодство составляли у киргизовъ самыя почетныя занятія; доходить даже до того, что многія обстоятельства въ ихъ домашнемъ быту и взаимныхъ отношеніяхъ развѣиваются исключительно лошадьми. О происхожденіи киргизской лошади не имѣется точныхъ свѣдѣній; дѣйствительно, вопросъ о томъ, изъ какихъ именно породъ произошла нынѣшняя киргизская лошадь, случайная-ли она помѣсь или особая порода, довольно трудно опредѣлить; однако же большинство специалистовъ, изучавшихъ это дѣло, почти единогласно заключаютъ, что киргизскія лошади произошли не отъ какой либо одной породы, а имѣли своими родоначальниками представителей различныхъ азіатскихъ породъ высокой крови; придерживаясь этого мнѣнія, многіе утверждаютъ, что между донскими, калмыцкими, башкирскими и киргизскими лошадьми существуетъ извѣстное родство, основанное на одинаковомъ происхожденіи отъ древней татарской, отчасти монгольской породъ; особенно типичны породы калмыцкая и киргизская. На породистое происхожденіе киргизской лошади указываетъ, между прочимъ, то обстоятельство, что она съ необыкновенною отчетливостью передаетъ въ самое отдаленное потомство извѣстныя особенности своего наружнаго вида и качества крови; порода эта одарена силою крови въ такой степени, что киргизскій типъ матки проглядываетъ въ приплодѣ всегда, съ какимъ бы породистымъ производителемъ она ни была случена; къ этому необходимо оговорить, что киргизская лошадь необыкновенно долговѣчна, проживая при хорошемъ уходѣ до 30-ти — 35-ти лѣтъ, при дурныхъ же условіяхъ—до 25-ти лѣтъ; если не всегда легко узнать киргизскаго коня по его наружности, то онъ весьма рѣзко выдѣляется отъ обыкновенной простой лошади, собранностью и необыкновенною легкостью движенія. Описывать наружность киргизской лошади и свойственныя именно этой породѣ качества мы не станемъ, такъ какъ все это, въ свое время, было разобрано съ должною ясностью и полнотою въ военной литературѣ; однако же считаемъ не лишнимъ, въ устраненіе ложнаго и весьма пагубнаго для дѣла взгляда, обратить вниманіе на то обстоятельство, что хотя происхожденіе киргизской лошади отъ породистыхъ предковъ не подлежитъ сомнѣнію, тѣмъ не менѣе незамѣнимыя ея качества легкости, неутомимости, неизбалованности къ

корму и уходу не составляютъ принадлежности исключительно крови, а вырабатываются, главнымъ образомъ, крайне суровымъ воспитаніемъ приплода съ первыхъ же дней его жизни. Находясь круглый годъ на открытомъ воздухѣ, добывая изъ подъ снѣга кормъ, киргизская лошадь подвергается различнаго рода лишеніямъ, вызываемымъ не только недостаткомъ корма, но и суровостью климата; при столь тяжелыхъ условіяхъ доживаютъ до трехъ—четырехлѣтняго возраста лишь болѣе сильные экземпляры; слабѣйшая часть гибнетъ отъ безкормицы и повальныхъ болѣзней; къ тому же, какъ на особенность степнаго коневодства, слѣдуетъ указать на зимнее тебеневаніе; разгребая снѣгъ копытами или пробивая ими ледяную кору, покрывающую травы, лошади развиваютъ необыкновенную силу въ ногахъ; кромѣ того, необходимо принять за несомнѣнный фактъ и то обстоятельство, что степной кормъ, растущій на песчаной почвѣ, будучи особенно питателенъ, способенъ содѣйствовать развитію именно тѣхъ качествъ, которыя замѣчаются лишь у степныхъ породъ.

Взаимодѣйствіе всѣхъ приведенныхъ выше обстоятельствъ, т. е. совокупность вліянія крови и суроваго воспитанія, вырабатываютъ сильнѣйшую и сносливѣйшую въ мірѣ лошадь, одаренную широкими костями и богатѣйшею мускулатурою. Киргизская порода представляетъ довольно много вариантовъ, въ зависимости отъ породы тѣхъ лошадей, съ коими ей приходится соприкасаться, преимущественно на окраинахъ степи; такъ, на сѣверѣ, въ Сибирскомъ войскѣ, Семирѣчьи и Кульдѣжѣ встрѣчаются при одномъ и томъ же общемъ типѣ замѣтно улучшенныя породы киргизскаго происхожденія; лошади эти болѣе красивой наружности, значительно выше ростомъ и плотнѣе обыкновенныхъ киргизскихъ лошадей; лошади же ауловъ кочующихъ въ горахъ представляютъ еще большія различія по отношенію красоты, формъ и роста, отличаясь, кромѣ того, необыкновенною крѣпостью, выносливостью и замѣчательною вѣрностью шага, благодаря которымъ переѣзды въ горной странѣ, по тропинкамъ и каменнымъ кручамъ, не представляютъ никакихъ затрудненій или опасностей; какъ извѣстно, сибирскіе казаки имѣютъ очень хорошій сортъ верховыхъ лошадей. По верхнему теченію Урала мѣстная киргизская порода скрещивается съ лошадьми сибирскихъ киргизовъ, приуральскихъ башкиръ и отчасти доморощенными лошадьми оренбургскихъ казаковъ и даетъ приплодъ довольно крѣпкій, выносливый, съ хорошими аlyрами; но всѣ эти лошади малы ростомъ, такъ что въ 1 верш. попадаютъ весьма рѣдко; въ предѣлахъ же 1-го военного отдѣла Оренбургскаго войска киргизская лошадь, не имѣя возможности обновляться, замѣтно мельчаетъ. По низовьямъ Урала кир-

гизская лошадь соприкасается съ калмыцкою порокою и, замѣтно улучшаясь, даетъ извѣстныхъ адаевскихъ и буреевскихъ лошадей. Скрещиваясь съ лошадьми азіятскими высокой крови, киргизская порода даетъ прославленныхъ аргамаковъ; затѣмъ улучшенную киргизскую лошадь составляютъ мѣстные породы Туркестанскаго края и Бухары, извѣстныя подъ названіемъ карабаировъ. Эти немногочисленные, но рельефные примѣры улучшеннаго степнаго коневодства, если можно выразиться такъ, служатъ намъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что киргизская порода, при условіяхъ, конечно, рациональнаго скрещиванія съ другими породами лошадей, не только не теряютъ добрыхъ своихъ качествъ, но можетъ значительно улучшаться и дать приплодъ, который по своей наружной красотѣ и качествамъ крови вполне соединяетъ хорошія качества двухъ породъ; съ другой стороны, намъ извѣстно, что киргизское коневодство въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно представлено исключительно себѣ, безусловно перерождается, къ чему нагляднымъ примѣромъ могутъ служить табуны киргизовъ Тургайской, отчасти Уральской областей.

Вопросъ объ улучшеніи киргизской породы лошадей, въ смыслѣ, главнымъ образомъ, увеличенія роста и придачи ей болѣе красивой формы, былъ не разъ обсуждаемъ не только частными лицами, но и правительствомъ; однако же всѣ эти, повидимому, благія намѣренія не ознаменовались какими либо положительными результатами, и въ виду приведенныхъ выше главныхъ недостатковъ киргизской лошади она до сихъ поръ признавалась неудобнымъ матеріаломъ для ремонтiroванія нашей кавалеріи. Между тѣмъ не трудно убѣдиться, что наше верховое коннозаводство быстрыми шагами идетъ къ упадку; лучшимъ подтвержденіемъ этого могутъ служить статистическія данныя за послѣдніе годы, да еще то обстоятельство, что главное управленіе Государственнаго коннозаводства нашло нужнымъ оказать содѣйствіе къ улучшенію и развитію верховаго коннозаводства. Несомнѣнный совершившійся фактъ общаго упадка верховаго коннозаводства въ нашихъ среднихъ и южныхъ губерніяхъ за послѣднія 10—15 лѣтъ объясняется постепеннымъ прогрессивнымъ развитіемъ культуры и земледѣльческой промышленности. Вотъ вѣрнѣе тѣ экономическія соображенія, которыя послужили основаніемъ возникшаго еще въ шестидесятыхъ годахъ вопроса о ремонтiroваніи нашей кавалеріи лошадьми киргизской, а отчасти и башкирской породъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма основательно принято было въ соображеніе то обстоятельство, что установленіе этого новаго порядка ремонтiroванія нашей кавалеріи дало бы возможность сохранять для земледѣльческаго населенія внутреннихъ губерній почтен-

ный контингентъ лошадей, столь необходимый для преуспѣянія земледѣльской отрасли промышленности, составляющей главный источникъ пропитанія и богатства большей половины всего населенія. Съ другой стороны, если мы примемъ въ расчетъ громадность коневыхъ средствъ, представляемую нѣкоторыми мѣстностями Азіятской Россіи, изъ которыхъ многія отличаются полнѣйшею невозможностью сбыта лошадей, то нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что эксплуатированіе имѣющихся у кочующихъ племенъ многочисленныхъ табуновъ, кромѣ своего государственнаго значенія и матеріальныхъ выгодъ для казны, какъ цѣнный и удобосбываемый мѣстный продуктъ, могъ бы служить могущественнымъ средствомъ къ поднятію благосостоянія самаго населенія. — Указавъ выше на важное значеніе реализированія идеи улучшеннаго степнаго коневодства и сознавая насущную необходимость осуществленія оной, въ виду тѣсной зависимости боевой готовности арміи отъ большей или меньшей удовлетворительности средствъ и принятой системы ремонтированія ея, разберемъ вкратцѣ современное положеніе степнаго коневодства и что до сихъ поръ предпринято было для улучшенія степной породы лошадей.

Повсемѣстное развитіе удобопрактикуемыхъ путей сообщенія, прогрессивное возрастаніе населенія, чувствительное повышеніе заработной платы, также вздорожаніе стоимости земли вызвали въ экономической жизни среднихъ губерній замѣтный переворотъ, съ послѣдствіями, отразившимися неблагоприятно на подворное коневодство, а главнымъ образомъ на конскіе заводы, разводящіе преимущественно верховой сортъ лошадей для удовлетворенія потребностей арміи. Оставшаяся незначительная часть заводовъ верхового сорта, за невозможностью, по прежнимъ цѣнамъ, поставить лошадей ремонтерамъ кавалеріи, обратилась исподволь къ разведенію лошадей высокой крови или перешла къ производству лошадей упряжнаго сорта, сбытъ которыхъ слѣдуетъ считать вполне обеспеченнымъ. На югѣ Россіи, по тѣмъ же причинамъ культурнаго развитія и общаго прогресса, коневодство стало также замѣтно падать. Стѣсненные до крайности новыми условіями экономической жизни, коневоды, въ силу такихъ сложившихся обстоятельствъ, нашлись вынужденными или вовсе распродать свои табуны, или значительно сократить число производителей и матокъ на заводахъ. Такимъ образомъ, благодаря быстрому развитію въ среднихъ и южныхъ губерніяхъ земледѣльской промышленности въ связи отчасти съ овцеводствомъ, въ ущербъ, конечно, дальнѣйшаго процвѣтанія коннозаводскаго дѣла, ежегодная потребность въ ремонтныхъ лошадяхъ даже мирнаго времени стала удовлетворяться изъ года въ годъ все съ большими и большими

затрудненіями; доходить уже до того, что всякій спросъ выше обыкновенной нормы далеко не всегда можетъ быть удовлетворяемъ съ тою легкостью, съ которою мы привыкли, до послѣднихъ временъ, пополнять нашу кавалерію. Въ случаѣ войны, общій недостатокъ лошадей въ Европейской Россіи можетъ отзываться вредно какъ на успѣхѣ первоначальной мобилизаціи, такъ и на ходѣ самыхъ военныхъ дѣйствій. Минувшая кампанія можетъ въ этомъ отношеніи послужить намъ полезнымъ практическимъ указаніемъ, уроками которой намъ не слѣдовало бы пренебрегать: военно-конская повинность дала намъ тогда весьма плохихъ верховыхъ лошадей и приходилось довольствоваться такими, которыя по своимъ достоинствамъ далеко не отвѣчали назначенной правительствомъ цѣнѣ.

Обстоятельства эти указали на необходимость изыскать средства къ возможно скорому устраненію встрѣченныхъ затрудненій въ ремонтіровании арміи, создавъ для этой цѣли новый, вполне надежный источникъ коневыхъ средствъ, который бы далъ дешевую и прочную ремонтную лошадь. Частное коннозаводство внутреннихъ губерній и нынѣ въ состояніи, по прежнему, дать прочную, вполне подходящую лошадь, но не иначе, какъ при условіяхъ значительнаго поднятія ремонтной цѣны: обстоятельство, которое не вяжется съ современными экономическими условіями вообще, а финансовыми въ особенности. Соображенія подобнаго свойства невольно навели на мысль эксплуатировать, для военной надобности, широкія средства нашего табуннаго коневодства кочующихъ орда, имѣя въ виду, что этотъ источникъ на нашихъ восточныхъ и юговосточныхъ окраинахъ на долгое еще время обезпеченъ отъ захватовъ земледѣльческой промышленности и поэтому въ состояніи, безъ труда, вполне удовлетворять потребности арміи въ прочныхъ, вполне подходящихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дешевыхъ лошадяхъ.

Болѣе подробное изслѣдованіе степной породы лошадей вообще приобрѣло, въ силу сложившихся, въ недавнее прошлое, обстоятельствъ, существенный интересъ въ томъ вниманіи, что киргизская и калмыцкая лошади получили извѣстность какъ лошади, созданныя служить подъ верхомъ, и поэтому весьма понятно важное значеніе правильнаго рѣшенія вопроса: годна-ли дѣйствительно и въ какой степени киргизская и калмыцкая лошади къ поступленію въ ремонтъ регулярной кавалеріи, а если негодны, то не найдется-ли средствъ сдѣлать ихъ, по истеченіи извѣстнаго болѣе или менѣе продолжительнаго времени, годными для строевой кавалерійской службы. Лошади Николаевского уѣзда Тургайской области по справедливости считаются лучшими представителями киргизской породы не только въ Тургайской, но и Уральской

областяхъ; другими словами—считаются за лучшія во всей киргизской степи бывшаго Оренбургскаго края. Не вдаваясь въ частности, опишемъ наружный видъ, общій, такъ сказать, типъ киргизской лошади, имѣя при этомъ въ виду, что существенныхъ наружныхъ отличій или особенностей формъ лошадей различныхъ табуновъ, вообще говоря, не замѣчается. Средній ростъ лошадей Тургайской области равняется 1 аршину.—14—15 вершковъ не болѣе $\frac{1}{100}$ доли лошадей, въ видѣ рѣдкаго исключенія, достигаютъ роста 2 арш. $\frac{1}{4}$ верш.—2 арш. $\frac{3}{4}$ верш. Голова, вообще, на видъ пропорціональна и не особенно массивна, глаза сравнительно небольшіе, но выразительные и живые, уши обыкновенно весьма пропорціональны; шея и затылокъ въ большинствѣ случаевъ весьма коротки; грудь вообще не широка, но за то замѣчательно глубока, холка достаточно высокая, ребра очень крутыя; крестецъ обыкновенно свислый и короткій; спина иногда уродливо длинная и у массы экземпляровъ замѣтно горбатая, ноги у большей половины лошадей костисты, сухи и вполне правильно сформированы; бабки вообще не особенно длинны, но иногда бабки бываютъ слишкомъ мягки; задъ вообще достаточно широкъ и обыкновенно, хорошо развитъ, копыта вообще пропорціональны — не излишне велики и достаточно просторны. Вообще нужно замѣтить, что самки киргизской породы обыкновенно представляются лучше сложенными, нежели самцы; между послѣдними часто попадаются экземпляры замѣчательно сильные, крѣпкіе и выносливые, но за то признаковъ породистости и изящества не представляютъ. Замѣчательно, что киргизская лошадь, будучи въ хорошемъ тѣлѣ, представляется довольно пропорціональною и формы ея сглаживаются, но когда лошадь спадаетъ съ тѣла, всѣ рѣзкости и угловатости ея сложенія, непріятно поражая глазъ, придаютъ ея формамъ уродливую наружность.

По вопросу объ улучшеніи степной породы лошадей нужно замѣтить, что къ предлагаемымъ различнымъ мѣрамъ, въ смыслѣ, наприимѣръ, увеличенія роста и облагороженія формы, большая половина киргизовъ относится довольно апатично, другая, меньшая — болѣе, такъ сказать, понимающая половина, относится какъ-то боязливо, въ томъ вниманіи, что экземпляры, предназначенные для улучшенія, въ отношеніи устойчивости въ перенесеніи всѣхъ трудовъ и лишеній суровой степной жизни, всегда, конечно, уступаютъ ихъ лошадямъ и поэтому не дадутъ вполне выносливаго приплода; взгляды этотъ, выработанный практикою, служить несомнѣннымъ доказательствомъ того, что, усовершенствуя киргизскую породу, необходимо, вмѣстѣ съ тѣмъ, улучшать ея обстановку, — условіе, которое киргизу представляется нежелательнымъ

неестественнымъ, даже отвратительнымъ. Дѣйствительно, киргизская лошадь въ широкихъ размѣрахъ удовлетворяетъ различнаго рода потребностямъ незатѣйливой и весьма суровой обстановки жизни киргиза. Лошадь даетъ киргизу молоко, мясо, служитъ ему весьма полезною двигательною силою для ѣзды на ней верхомъ и въ упряжку. Главнѣйшіе недостатки, приписываемые киргизской лошади: отсутствіе красивыхъ формъ при маломъ ростѣ, недостаточно быстрые аллюры и малоспособность къ возкѣ большихъ тяжестей на значительныя разстоянія; приведенное послѣднее обстоятельство, хотя и основательное въ киргизскомъ быту, не имѣетъ существеннаго значенія въ виду сложившихся особыхъ своеобразныхъ условій жизни кочевниковъ и обилія лошадей въ ихъ степяхъ. Въ Илецкомъ уѣздѣ лошади, вообще, столь же малы, какъ лошади въ Николаевскомъ уѣздѣ, и могутъ быть приравнены къ типу мелкой рабочей лошади; въ частности лошади Илецкаго уѣзда обращаютъ на себя вниманіе болѣе богатою мускулатурою и широкою костью; шея и спина менѣе уродливыя.

Общее число лошадей, на основаніи свѣдѣній, собранныхъ на мѣстѣ съ 1878 по 1883 г., можетъ быть выражено слѣдующими числовыми данными:

	въ 1878 г.	въ 1879 г.	въ 1880 г.	въ 1881 г.	въ 1882 г.	въ 1883 г.
Въ Илецкомъ уѣздѣ . . .	171,439	172,325	133,491	105,271	101,324	104,683
• Николаевск. » . . .	361,871	362,491	380,450	388,221	388,386	393,431
• Иргизскомъ » . . .	107,431	89,024	28,131	32,014	38,221	43,321
• Тургайскомъ » . . .	146,221	157,221	32,214	46,139	53,432	60,221
Всего въ области . . .	786,962	781,061	574,286	571,645	581,363	601,656

Приведенныя цифры показываютъ, что за приведенный періодъ времени киргизское коневодство въ Тургайской области подверглось существеннымъ колебаніямъ въ смыслѣ уменьшенія общаго числа лошадей въ уѣздахъ, за исключеніемъ Николаевского, въ которомъ замѣчается незначительное увеличеніе; далѣе видно изъ таблицы, что уменьшеніе лошадей, начавшееся въ 1879 году, достигаетъ наибольшаго предѣла въ 1881 году, послѣ чего замѣчается увеличеніе. Указанное передъ этимъ уменьшеніе числа лошадей объясняется гибельными для киргизскаго скотоводства вообще зимами 1879—1880—1881 гг. Одинъ лишь Николаевскій уѣздъ избавился отъ разрушительныхъ послѣдствій сказанныхъ зимъ; въ остальныхъ трехъ уѣздахъ, за данный періодъ времени, общая убыль лошадей опредѣляется слѣдующими числами и процентными отношеніями:

Въ Илецкомъ уѣздѣ убыло лошадей . . .	66,760 = 38,°/о
» Ирگزскомъ	64,110 = 59,°/о
» Тургайскомъ	86,000 = 58,°/о

За приведенный выше періодъ времени въ Николаевскомъ уѣздѣ коневодство увеличилось на 31,560 головъ или на 10,°/о.

Цифры эти наглядно свидѣтельствуютъ о гибельныхъ для степнаго коневодства послѣдствіяхъ неблагоприятныхъ условій зимняго тебеневанія; при крайне слабомъ охраненіи табуновъ, особенностяхъ условій воспитанія приплода и недостаткѣ, или, какъ это нерѣдко повторяется, совершенномъ отсутствіи корма, киргизское коневодство неминуемо подвержено различнаго рода случайностямъ, о размѣрахъ которыхъ трудно составить себѣ правильное понятіе; разрушительно вліяютъ гололедицы, часто сопровождающіяся недостаткомъ корма; лучшимъ подтвержденіемъ нашихъ словъ могутъ служить слѣдующіе два примѣра: въ 1850 году, во время двухдневнаго бурана въ восточной части степи, погибло около 28,000 лошадей; въ 1856 году отъ гололедицы и бурановъ погибло во всей степи однѣхъ лошадей до 180,000 головъ.

Въ 1879 и 1880 годовъ, въ Тургайской области насчиталось до 97-ми крупныхъ коневодовъ киргизовъ; изъ нихъ владѣвшихъ табунами отъ 300—400 головъ, 37 коневодовъ; отъ 400—500 головъ—25; отъ 500—600—шесть; отъ 600—800—12; отъ 800—1,000—семь; отъ 1,000—1,700—пять; отъ 1,700—2,000—четыре и отъ 2,000—3,000 всего одинъ коневодъ.

Какъ извѣстно, народонаселеніе у киргизовъ опредѣляется числомъ кибитокъ, полагая на каждую кибитку приблизительно около пяти душъ обоего пола. По новѣйшимъ извѣстіямъ въ Тургайской области было, по уѣздамъ кибитокъ: въ Николаевскомъ уѣздѣ 25,340 или около 15,6 лошади на кибитку; въ Илецкомъ уѣздѣ 13,401 кибит.—7,01 лошадь на кибитку; въ Тургайскомъ уѣздѣ, 12,225 кибит.—4,9 лош. на кибитку и въ Ирگزскомъ уѣздѣ 13,820 кибит.—3,1 лошади на кибитку, а всего въ области было кибитокъ 64,786 и по 7,6 лошади на одну кибитку; слѣдовательно, въ Тургайской области на каждого чело-вѣка приходится около 1,5 лошади.

Кочевья киргизовъ Уральской области, вообще, скудно одарены природою; представляя иногда обширныя сплошныя пространства солончаковой почвы, отличающіяся недостаткомъ прѣсной воды и отсутствіемъ всякой почти растительности, значительно уступаютъ въ этомъ отношеніи угодьямъ оренбургскихъ киргизовъ. Порода лошадей въ этихъ мѣстностяхъ замѣтно мельчаетъ и не только по наружному виду, но и по качествамъ уступаетъ лошадямъ Тургайской области. Зимы съ 1879

по 1880 и 1881 гг., сопровождавшіяся полнымъ почти отсутствіемъ подножнаго корма, разрушительно дѣйствовали на киргизское скотоводство въ этихъ мѣстностяхъ вообще, а на коневодство уральскихъ киргизовъ въ особенности, и притомъ не только количественно, но и качественно. Въ послѣдніе годы, однакоже, коневодство уральскихъ киргизовъ замѣтно улучшилось и увеличилось главнымъ образомъ покупкою производителей и матокъ въ Тургайской области.

Гибельныя для киргизскаго коневодства послѣдствія 1879 — 1880 и 1881 гг. можно видѣть, сравнивая слѣдующія числовыя данныя.

По уѣздамъ Уральской области, въ 1879 г. числилось лошадей: въ Эмбенскомъ уѣздѣ, 247,720 головъ, въ Гурьевскомъ—97,231 гол., въ Калмыковскомъ—175,195 головъ и въ Уральскомъ—188,911, а всего въ области—709,057 лошадей на 82,532 киб., что составитъ 8,½ лош. на кибитку. Обращаясь затѣмъ къ числовымъ даннымъ о павшихъ лошадяхъ въ Уральской области, оказывается, что въ Эмбенскомъ уѣздѣ изъ 247,720 лош. осталось 26,701 лош. (пало 221,019); въ Гурьевскомъ—изъ 97,231 осталось 17,218 (пало 80,013); въ Калмыковскомъ—изъ 175,195 осталось 47,458 (пало 127,737) и въ Уральскомъ—изъ 188,911 осталось 49,852 (пало 139,059), а всего въ области изъ 709,057 лош. осталось 141,229 (пало 567,828 лош.); или почти 80% общего количества лошадей. Таковы были по истинѣ страшныя послѣдствія недостатка травъ въ 1879, 1880 и 1881 гг. вслѣдствіе повсемѣстнаго ихъ неурожая. Въ особенности сильна была убыль скота именно въ Уральской области, что объясняется общимъ недостаткомъ вообще хорошихъ сѣнокосныхъ мѣстъ въ области.

Вышеизложенное невольно наводитъ на мысль о желательности пріятія такихъ мѣръ, которыя бы, хотя до нѣкоторой степени, оградили населеніе степныхъ мѣстностей отъ разрушительныхъ, всепоглощающихъ степныхъ бурановъ и безкормицы, иначе весьма легко можетъ случиться, что богатѣйшій въ мірѣ источникъ коневыхъ средствъ слишкомъ быстро и неожиданно изсякнетъ, требуя многихъ десятковъ лѣтъ, чтобы вновь войти въ свою прежнюю норму. Дѣйствительно, надъ этимъ вопросомъ стоитъ серьезно призадуматься не только въ видахъ огражденія киргизовъ отъ нищенства и голода,—но и реализированія продуктовъ предполагаемаго улучшеннаго степнаго коневодства и обезпеченія потребностей арміи.

Не только киргизы Тургайской и Уральской областей пострадали въ 1880—1881 гг., но и киргизы Внутренней орды. По officialнымъ свѣдѣніямъ коневодство этой орды и самое населеніе въ періодъ времени съ 1878 г. по 1884 г. подвергались нѣкоторымъ измѣ-

неніямъ, а именно: подраздѣляясь на пять частей (уѣздовъ) и на два округа, Внутренняя орда въ восьмидесятихъ годахъ состояла изъ 44,532 кибитокъ, имѣя, слѣдовательно, населенія по пяти душъ обоого пола на кибитку, въ 220,660 душъ; въ 1884 г. число кибитокъ уменьшилось до 40,260, т. е. почти на 10 проц. Коневодство же киргизовъ Внутренней орды за это время представляетъ слѣдующія данныя: въ 1879 г. въ ордѣ считалось до 226,902 лошадей, а въ 1884 г. было не болѣе 64,485 лошадей, т. е. уменьшилось на 162,417 лошадей или на 71,5 проц.; въ 1879 г. приходилось по 1,1 лош. на человѣка, а въ 1884 г. 0,32 лошади на человѣка, или одна лошадь на 3,1 человѣка.

Имѣя въ виду, что порода лошадей Внутренней орды не заключаетъ ничего новаго или оригинальнаго, замѣтимъ лишь, что эта порода, представляя болѣе или менѣе улучшенный матеріалъ киргизской породы лошадей, болѣе другихъ подходитъ подъ условія для производства ремонтной лошади.

Въ заключеніе нашей замѣтки о современномъ состояніи степнаго коневодства киргизовъ Тургайской и Уральской областей, также Внутренней орды, скажемъ нѣсколько словъ о коневодствѣ астраханскихъ калмыковъ.

Калмыцкая степь, занимая пространство въ 7.748,040 дес., представляетъ различныя климатическія условія; степь эта примыкаетъ юго-восточною своею частью къ Каспійскому морю, а съ сѣвера и востока открыта вліянію холодныхъ вѣтровъ, почему средняя температура въ различныя времена года подвергается значительнымъ измѣненіямъ. Чисто континентальныя климатическія условія въ средней части степи заставляютъ большую половину калмыковъ, живущихъ лѣтомъ въ этихъ мѣстностяхъ, совершенно оставлять ихъ въ холодное время года и расположиться по займищамъ р. Волги, на крайней юго-восточной части степи. Лучшая часть калмыцкой степи, западная, называемая Ергени, представляетъ всѣ удобства для веденія и развитія земледѣія и скотоводства; остальная часть степи почти на всемъ пространствѣ покрыта полынью, лишь по возвышенностямъ встрѣчается лучшая по своимъ качествамъ растительность; въ низменныхъ же мѣстахъ, куда стекаютъ и затѣмъ испаряются насыщенные солью воды, произрастаютъ такъ называемыя *солянки*. Естественныя условія этой степи въ смыслѣ растительностей почвы, среди которыхъ существуетъ калмыцкое коневодство, представляется крайне скудными и неблагоприятными для процвѣтанія богатаго скотоводства.

По новѣйшимъ даннымъ, у астраханскихъ калмыковъ считается

39,030 головъ лошадей; въ 1869 г. числительность лошадей доходила до 64,780 головъ; такимъ образомъ, калмыцкое коневодство за 15—16 лѣтъ уменьшилось на 25,750 головъ или на 40 проц. Вполнѣ обстоятельныя свѣдѣнія о причинахъ, вызвавшихъ уменьшеніе коневодства въ калмыцкой степи до 1880—1881 гг., не имѣется, но во всякомъ случаѣ какъ несомнѣнный фактъ можно констатировать чувствительную для калмыцкаго коневодства гибель лошадей въ зимы 1879—1880—1881 гг.

По заведенному въ калмыцкой степи порядку, мѣстная администрація выдѣляетъ и записываетъ собственно плодое калмыцкое коневодство, подъ названіемъ конскихъ заводовъ.

По официальнымъ даннымъ за послѣдніе годы калмыцкое плодое коневодство состояло изъ 235 плодовыхъ табуновъ, составленныхъ изъ 1,215 жеребцовъ производителей, 12,486 матокъ и 10,211 головъ приплода разныхъ возрастовъ; въ общемъ же итогъ калмыцкое плодое коневодство за приведенное время составило 23,912 головъ. Принявъ во вниманіе, что все количество калмыцкихъ лошадей исчислено въ 42,278 головъ, оказывается, что въ коневодствѣ собственно для хозяйственныхъ надобностей состояло 19,366 лошадей; другими словами, плодое калмыцкое коневодство составляетъ около 56,5 процентовъ всего ихъ коневодства.

Ежегодная продажа лошадей доходитъ среднимъ числомъ до 3,000 головъ, т. е. около 7,5 проц. общаго числа лошадей или 12,5 проц. собственно плодоваго коневодства. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ Астраханской степи числилось около 120,000 жителей калмыковъ; число же лошадей за это время доходило до 65,000 головъ; такимъ образомъ, на cadaго жителя приходилось около 0,5 лошадей или одна лошадь на два жителя.

Выше было оговорено, что земли астраханскихъ калмыковъ занимаютъ площадь въ 7.748,040 десятинъ. Не смотря на большое количество земель, калмыки могутъ располагать сравнительно небольшимъ запасомъ для развитія своего коневодства, рискуя, въ противномъ случаѣ, нанести существенный ущербъ другимъ видамъ скотоводства; къ такому выводу приводитъ насъ слѣдующее исчисленіе, основанное на документальныхъ данныхъ: на попасъ лошади требуется среднимъ числомъ около 100 фунтовъ травы въ сутки, а въ круглый годъ, въ виду посредственности качествъ калмыцкихъ пастбищъ, около 10-ти десятинъ на лошадь; такимъ образомъ, для всего калмыцкаго коневодства потребуется въ годъ около 380,000 дес. пастбищъ; кромѣ того, для остальныхъ видовъ калмыцкаго скотоводства потребно пастбища

для пропитанія 125,000 головъ рогатаго скота, полагая на каждое животное столько, сколько выше опредѣлено на лошадь,—1.215,000 десятинъ; для 320,000 овецъ, полагая по одной десятинѣ на штуку,—320,000 десят. и для пастбы 10,000 верблюдовъ по 10-ти десят. на каждого, 100,000 десят., а всего подъ пастбища калмыцкаго скотоводства потребно около 2.100,000;десят.; казалось-бы, слѣдовательно, что земель для пастбы скота болѣе чѣмъ достаточно; между тѣмъ, на самомъ же дѣлѣ получается иной результатъ; для объясненія этого кажущагося противорѣчія необходимо имѣть въ виду слѣдующее: въ калмыцкой степи существуютъ обширныя пространства земель, совершенно негодныя подъ пастбища; часто годныхъ земель оставляются подъ сѣнокосы и запашки, затѣмъ необходимо принять въ соображеніе, что подъ коневодство назначаются лучшія пастбища и попасы. Естественно, что при такихъ условіяхъ видимо богато надѣленные землею калмыки на самомъ же дѣлѣ крайне нуждаются въ годныхъ пастбищахъ для болѣе широкаго развитія своего скотоводства вообще, а въ особенности коневодства.

Существуетъ весьма основательное предположеніе о родствѣ между калмыцкою и киргизскою породою лошадей; по настоящее время наружность калмыцкой лошади имѣетъ сходство съ киргизскою породою; такъ, голова киргизской лошади во многомъ напоминаетъ киргизскую породу, съ тою развѣ оговоркою, что головы калмыцкихъ лошадей бываютъ еще болѣе массивны и некрасивы, шея калмыцкой лошади прямая, какъ у киргизской, хотя, обыкновенно, нѣсколько длиннѣе, крестецъ также спущенъ, какъ у киргизскихъ лошадей.

Общее заключеніе о годности калмыцкой породы лошадей въ ремонтъ кавалеріи сводится къ тому, что она обладаетъ ростомъ, необходимымъ кавалерійской лошади, по своему складу калмыцкая лошадь тоже годна подъ сѣдло кавалериста; порода эта обладаетъ достаточно развитою мускулатурою, имѣетъ широкія кости, глубокую подпругу, широкую грудь, высокую холку и хорошую спину; достаточно длинную и гибкую шею, широкіе, свободные алюры; изъ недостатковъ, свойственныхъ калмыцкой породѣ лошадей, обращаютъ на себя вниманіе: неправильное развитіе передняго колѣна, съ выгибомъ назадъ (бычачье колѣно), свойственный всѣмъ почти экземплярамъ этой породы; масса лошадей имѣетъ, такъ называемый, коровій поставъ заднихъ ногъ, т. е. сближенные скакательные суставы и низкія пятки, особенно переднихъ ногъ; множество лошадей имѣетъ некрасивыя, массивныя головы, шерсть большей части калмыцкихъ лошадей гнѣдая и рыжая,

но много также лошадей бурой масти, разныхъ оттѣнковъ; сѣрыхъ и вороныхъ лошадей относительно мало.

Вотъ, вкратцѣ, современное положеніе степнаго коневодства на нашихъ юго-восточныхъ и восточныхъ окраинахъ.

Разберемъ теперь общіе установившіеся взгляды на степное коневодство, предполагаемыя мѣры къ его развитію и значеніе улучшеннаго степнаго коневодства въ будущемъ.

О киргизской лошади и улучшеніи степной породы вообще, сколько намъ извѣстно, написано, сравнительно говоря, не особенно много; тѣмъ не менѣе вопросъ о степномъ коневодствѣ былъ разбираемъ военными людьми, близко стоящими къ этому дѣлу, также и специалистами, особо командированными по распоряженію управленія государственнаго коннозаводства, для изученія степнаго коневодства на мѣстѣ. Результаты этихъ изслѣдованій, также и окончательные выводы, рѣзко расходятся не въ деталяхъ, а въ основныхъ принципахъ. Дѣйствительно, специалисты, долго и основательно ознакомившіеся со всѣми особенностями степнаго коневодства, приходятъ къ результатамъ диаметрально почти противоположнымъ; весьма понятно, что, имѣя дѣло съ выводами столь сбивчивыми и за отсутствіемъ правильныхъ основаній въ области хотя бы теоріи или фактовъ, добытыхъ и поддерживаемыхъ путемъ практики, нѣтъ возможности приняться за это дѣло, не рискуя впасть въ ошибки; скажемъ болѣе—разбирая этотъ вопросъ, нѣтъ даже возможности придти къ какому либо положительно теоретическому заключенію о наиболѣе рациональномъ способѣ его удовлетворительнаго рѣшенія. Изъ различныхъ взглядовъ на степное коневодство и противорѣчащихъ другъ другу теорій о средствахъ и приемахъ для его улучшенія, обращаютъ на себя особенное вниманіе нижепомѣщаемые, болѣе или менѣе распространенные. Многіе считаютъ, что киргизская лошадь, лучшая въ мірѣ, достигла совершенства и поэтому не нуждается ни въ освѣженіи крови, ни улучшеніи статей и качествъ; по ихъ мнѣнію, она въ одинаковой степени годна подъ верхъ, въ упряжку и въ тяжелую работу, и поэтому всѣ мѣры, принимаемыя съ цѣлью улучшенія этой породы, имѣя одно отрицательное значеніе, могутъ служить лишь къ порчѣ этой прекрасной расы; другіе, находя, что порода эта, въ особенности въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, замѣтно мельчаетъ, полагаютъ вполне цѣлесообразнымъ соответствующимъ подборомъ производителей содѣйствовать къ распространенію въ киргизскихъ табунахъ бѣльшаго количества хорошихъ лошадей, чѣмъ они заключаетъ въ себѣ въ настоящее время, съ тѣмъ, чтобы не дать этой замѣчательной расѣ вырождаться и отчасти потерять тѣ превосход-

ныя качества, которыми она отличается теперь; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они ставятъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы производители были также киргизской породы или, во всякомъ случаѣ, родственной ей породы, положительно высказываясь, что, въ противномъ случаѣ, лучше всего было бы оставить киргизское коневодство въ покоѣ. Третьи же, наконецъ, признавая за киргизскою породою лошадей вообще незамѣнимыя качества неутомимости, крѣпости, выносливости и неприхотливости къ корму и уходу, находятъ, во всякомъ случаѣ, что эти качества, проявляясь рѣзко и отчетливо во многихъ отдѣльныхъ экземплярахъ лошадей, не распространяются одинаково на всѣхъ ихъ и что всѣ лошади этой породы имѣютъ недостатки, которые желательнo было бы устранить, чтобы они не распространялись изъ года въ годъ на большее и большее количество лошадей. Резюмируя сейчасъ изложенное, послѣднее, мнѣніе, выходитъ, что меньшая половина киргизскихъ лошадей, имѣя несомнѣнные достоинства, тѣмъ не менѣе нуждается въ улучшеніи; другая же, большая половина, не обладая свойственными хорошей киргизской лошади качествами, безъ существеннаго усовершенствованія утрачиваетъ всякое значеніе въ смыслѣ матеріала, потрібнаго для легкой кавалерійской службы.

Вышеизложенные взгляды на киргизское коневодство хотя и составляютъ крайнія мнѣнія, по вопросу о которомъ идетъ рѣчь, тѣмъ не менѣе наводятъ на мысль о поверхностномъ изученіи дѣла, которое, по своему существу, для специалистовъ, ознакомившихся со всѣми деталями степнаго коневодства на мѣстѣ, казалось бы, не должно было представить темныхъ сторонъ или неодолимыхъ препятствій для болѣе обстоятельнаго разрѣшенія вопроса. Къ этому нужно оговорить, что ни то, ни другое мнѣніе не подкрѣпляется фактами, а предлагается читателю въ видѣ несомнѣнной, неопровержимой истины. Чтобы еще рельефнѣе характеризовать путаницу во взглядахъ на дѣло объ улучшеніи степнаго коневодства и вмѣстѣ съ тѣмъ вновь подтвердить высказанное нами мнѣніе о весьма поверхностномъ изученіи степнаго коневодства, его нуждахъ и средствахъ въ смыслѣ улучшения, намъ остается упомянуть о мѣрахъ, предлагаемыхъ тѣми же специалистами для улучшенія киргизской лошади, и мы снова убѣдимся, что и на этомъ поприщѣ сталкиваются множество противоположныхъ мнѣній, служащихъ несомнѣннымъ подтвержденіемъ того, что выработанный практикою правильный взглядъ на рациональное степное коневодство положительно не существуетъ. Такъ, между многими мѣстными ревнителями и знатоками степнаго коневодства сильно распространено мнѣніе, что степному коневодству можно бы было принести существенную пользу, не прибѣгая

къ производителямъ другихъ породъ, т. е. устроить образцовые табуны изъ тѣхъ же киргизскихъ лошадей, выбравъ лучшихъ жеребцовъ и матокъ, а самое воспитаніе приплода вести такъ, какъ это дѣлаютъ киргизы. По ихъ мнѣнію, такой, самъ по себѣ простой, способъ улучшенія далъ бы вполне удовлетворительные результаты, такъ какъ жеребята, уже въ первомъ поколѣніи, достигли бы роста навѣрное на $1/2$ — $3/4$ вершка болѣе, чѣмъ обыкновенный ростъ ихъ отцовъ и матерей. Всѣ покровители этого мнѣнія рѣшительно не сочувствуютъ идее улучшенія киргизской породы черезъ посредство ввода изнѣженной, какъ они выражаются, крови производителей высокаго достоинства азіатской породы, находя, что при суровомъ степномъ воспитаніи, составляющемъ, въ данномъ случаѣ, обязательное условіе, лучшіе, болѣе нѣжные экземпляры въ раннемъ возрастѣ вымираютъ; остаются въ живыхъ лишь грубые экземпляры, не могущіе служить представителями усовершенствованной расы. Другіе, наоборотъ, находятъ, что улучшеніе киргизской породы осуществимо исключительно и не иначе, какъ именно черезъ скрещиваніе азіатскихъ производителей высокой крови съ киргизскими матками. Третіе же высказываютъ мнѣніе, что въ основаніе рациональнаго степнаго коневодства долженъ лечь принципъ строгаго подбора производителей, родственныхъ съ киргизскою породою и подходящихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, по своимъ наружнымъ формамъ, главнымъ образомъ въ отношеніи роста, къ киргизскимъ маткамъ; такими производителями они считаютъ исключительно чистокровныхъ арабскихъ жеребцовъ и полагаютъ, что при скрещиваніи съ ними киргизская раса, сохраняя всѣ свойственныя ей драгоцѣнныя качества, выиграла бы въ ростѣ, а въ особенности въ красотѣ формъ. Наконецъ распространено предположеніе, что для скрещиванія съ киргизскою маткою годны, въ смыслѣ улучшенія породы, начиная отъ рысистой кровной и полукровной и кончая кавказскими производителями, также мѣстными улучшенными породами Сыръ-Дарьинской области и Бухары (такъ называемые карабаиры). Всѣ эти мнѣнія, чисто субъективнаго свойства, подкрѣпляются гадательными предположеніями легендарнаго иногда характера, выдаваемыми, тѣмъ не менѣе, за несомнѣнныя истины, также единичными случаями, приводимыми въ подтвержденіе того или другаго мнѣнія. Итакъ, мы, къ сожалѣнію, должны сознаться въ томъ, что по вопросу о рациональномъ степномъ коневодствѣ существуетъ немало гипотезъ, не выходящихъ изъ области различныхъ одностороннихъ теоретическихъ выводовъ.

Обратимся теперь къ мѣрамъ, принятымъ правительствомъ, также и съ спекулятивною цѣлью, для улучшенія степнаго коневодства. Въ

Уральскомъ казачьемъ войскѣ существовалъ конскій разсадникъ для улучшенія мѣстной породы лошадей, но онъ уже давно, кажется въ 1856—1857 г., закрытъ, какъ оказавшійся совершенно бесполезнымъ. Не имѣя подъ рукой необходимаго матеріала для ознакомленія читателя съ устройствомъ этого войскового завода, съ достигнутыми результатами и причинами, вызвавшими его закрытіе, органичиваемся, по необходимости, константированіемъ факта упраздненія Уральского войскового разсадника, признаннаго вовсе не отвѣчающимъ своему назначенію. Недалеко отъ Оренбурга, въ Башкиріи, учрежденъ былъ государственный конный заводъ съ специальною цѣлью улучшенія мѣстныхъ породъ лошадей. Заводъ этотъ, послѣ довольно долгаго существованія признанный правительствомъ не достигающимъ цѣли, былъ въ 1881 г. закрытъ. Люди свѣдущіе въ дѣлѣ коннозаводства держатся того мнѣнія, что главную причину неудовлетворительности помянутаго завода слѣдуетъ искать въ неудачномъ вполнѣ подборѣ производителей, между которыми оказался не малый процентъ не подходящихъ къ киргизской породѣ, вслѣдствіе чего раса мѣстныхъ породъ портилась; приплодъ оказывался почти всегда красивымъ на видъ, но за то былъ слабъ и вообще мало пригоденъ къ дѣлу. Изъ officialнаго отчета о причинахъ, вызвавшихъ закрытіе Оренбургскаго государственнаго разсадника, усматривается слѣдующее:

Оренбургскій конскій разсадникъ, находящійся въ 150 верстахъ отъ г. Оренбурга, учрежденъ былъ въ 1832 г. съ цѣлью поддержанія мѣстной породы лошадей и состоялъ въ военномъ вѣдомствѣ, подъ названіемъ сначала Башкирскаго войскового конскаго завода, а потомъ Башкирскаго конскаго разсадника, до 1864 г., когда, по упраздненіи Башкирскаго войска, перешелъ въ вѣдѣніе главнаго управленія государственнаго коннозаводства.

Принявъ разсадникъ въ свое завѣдываніе, главное управленіе нашло въ немъ составъ лошадей неоднороднымъ, чуждымъ опредѣленнаго типа, и для улучшенія состава перевело въ разсадникъ изъ Бѣловодскихъ заводовъ породистыхъ жеребцовъ и кобылъ; однако лошади эти не выдержали непривычнаго имъ климата и въ скоромъ времени перемерли, такимъ образомъ дѣло по улучшенію мѣстной породы лошадей впередъ не подвинулось. Затѣмъ мѣнялись системы производства съ упряжнаго сорта на верховой съ цѣлью повліять на улучшеніе косяковъ обитающихъ въ томъ краѣ инородцевъ: башкиръ и киргизовъ; но результаты до послѣднихъ временъ оказались крайне неудовлетворительными при стоимости воспитанія каждой отдѣльной лошади среднимъ числомъ въ 142 р. и при продажной цѣнѣ ея не дороже 58 р. за голову.

Совѣтъ главнаго управленія государственнаго коннозаводства въ вѣдѣніи, бывшемъ 24 апрѣля 1881 г., обсуждая многіе вопросы относительно дальнѣйшаго направленія дѣятельности государственнаго коннозаводства, между прочимъ коснулся и современнаго состоянія Оренбургскаго донскаго разсадника. Мнѣнія членовъ раздѣлились: большинство полагало вовсе упразднить разсадникъ, учредивъ взамѣнъ того двѣ заводскія конюшни въ городахъ: Бузулукѣ или Бугульмѣ, Самарской губерніи, и около Уфы; другіе же, также согласные на учрежденіе въ краѣ заводскихъ конюшенъ, полагали сохранить разсадникъ, измѣнивъ только способъ нынѣшняго заводскаго воспитанія на табунное, какъ преобладающее въ томъ краѣ.

Послѣ долгихъ разсужденій, въ концѣ концовъ рѣшено было вовсе упразднить заводъ, что и состоялось, какъ выше уже оговорено, въ 1881 году.

Въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ учрежденъ былъ въ 1831 году войсковой конный заводъ для распространенія между казаками улучшенной породы лошадей; послѣ почти тридцатилѣтняго существованія заводъ этотъ, какъ признанный совершенно бесполезнымъ, былъ упраздненъ въ 1861 году ⁽¹⁾. Наконецъ, въ настоящее время, въ 35 верстахъ отъ г. Оренбурга, въ предѣлахъ Тургайской области, существуетъ съ 1878 г. частный конный заводъ князя Долгорукова, объ устройствѣ и преуспѣяніи котораго имѣются слѣдующія officialныя данныя: князь М. Долгоруковъ въ бытность свою въ Оренбургскомъ краѣ ознакомился съ хозяйственнымъ бытомъ киргизовъ, а въ особенности со степнымъ коневодствомъ. Важное государственное значеніе киргизскихъ конныхъ табуновъ, которые при рациональномъ улучшеніи породъ могли бы служить арміи неисчерпаемымъ источникомъ конныхъ ремонтовъ, не подлежитъ сомнѣнію. Осуществленіе этой мѣры указываетъ на необходимость устройства центра, въ которомъ бы степныя лошади, сохраняя свой общій характеръ, вырождались бы, при помощи рациональнаго скрещиванія, въ наилучшій типъ своей породы. Подобная мѣра послужила бы еще и для торговаго развитія самаго края, такъ

⁽¹⁾ Такъ какъ въ концѣ настоящей замѣтки рѣчь будетъ идти о современномъ положеніи коневодства въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ и объ улучшеніи породы киргизскихъ лошадей оренбургскихъ казаковъ, то нѣтъ сомнѣнія, что мѣры принимавшіяся до этого правительствомъ и войскомъ для усовершенствованія расы казачьихъ лошадей, приобрѣтаютъ нѣкоторый интересъ, въ виду 30-лѣтняго существованія завода, почему мы нѣсколько подробнѣе, въ своемъ мѣстѣ, коснемся устройства войскаго разсадника, также и главнѣйшихъ деталей, относящихся до его дѣятельности.

какъ, за снабженіемъ арміи лошадьми, явилась бы возможность доставлять лошадей на европейскіе рынки; наконецъ, конный питомникъ въ мѣстностяхъ за-Оренбургской степи со временемъ уравнивалъ бы качества лошадиныхъ породъ киргизскихъ степей: такъ, напримѣръ, усиленіемъ коневодства въ юго-западной ея части и улучшеніемъ коннаго типа въ сѣверо-восточной части степи. Вотъ тѣ соображенія, которыя послужили непосредственнымъ основаніемъ устройства завода князя Долгорукова.

О произведенномъ мѣстнымъ начальствомъ въ іюлѣ 1884 г. осмотрѣ коннаго завода князя Долгорукова мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія. На заводѣ было матокъ: завода купца Дѣва (киргизской породы) 85 головъ; мѣстныхъ киргизскихъ—75; сибирскихъ киргизскихъ—100; итого 260 матокъ; жеребцовъ кровныхъ—11 головъ; молодняка—65; всего 336 лошадей. Всѣ матки съ жеребятami разбиты на два табуна, которые и пасутся въ полѣ; жеребцы же размѣщены въ хорошо устроенной конюшнѣ; заводскія постройки прочны и обширны, такъ что на зиму имѣются вполне достаточныя помѣщенія для всѣхъ безъ исключенія лошадей. Недавнее формированіе завода, неблагоприятныя условія, перенесенныя имъ въ первое время своего развитія вслѣдствіе губительной и весьма суровой зимы 1879—1880 гг., также неурожай травъ и хлѣбовъ въ слѣдующіе два года во всемъ Оренбургскомъ краѣ не даютъ полной возможности судить о результатахъ заводской дѣятельности князя Долгорукова; тѣмъ не менѣе, нельзя не замѣтить, что положенная имъ въ основаніе этого завода мысль о скрещиваніи киргизскихъ матокъ съ текинскими, ямудскими и вообще чистокровными азіятскими жеребцами и затѣмъ табуннаго воспитанія молодаго поколѣнія, вполне оправдалась на опытѣ. Полученный такимъ образомъ приплодъ вышелъ несравненно рослѣе обыкновенной киргизской лошади, сохраняя выносливость, неустойчивость и вообще характеръ степной лошади; приплодъ приобрѣлъ отъ производителей ихъ вѣдущую красоту формъ, уменьшеніе головы и болѣе прямой крупъ. Находившіеся на заводѣ въ незначительномъ числѣ экземпляровъ молодые лошади трехъ-четырехъ лѣтъ вполне подтверждаютъ вышесказанное. Изъ лошадей этого возраста князь Долгоруковъ продаетъ только однихъ жеребчиковъ, оставляя кобылицъ для завода. Хотя и заводъ князя Долгорукова заданъ цѣлью улучшенія киргизской породы лошадей въ смыслѣ приуроченія ихъ къ типу, требуемому для кавалеріи, тѣмъ не менѣе онъ не въ состояніи исполнить эту задачу въ тѣхъ размѣрахъ, которые были бы необходимы для удовлетворенія потребностей громадной территоріи всей степи. Поэтому весьма желательно было бы принять такіе мѣры,

которыя послужили бы къ улучшенію въ сказанномъ смыслѣ породы лошадей въ мѣстностяхъ ордынскихъ табуновъ, каковой вопросъ въ видахъ удовлетворенія государственныхъ цѣлей имѣть громадное значеніе.

Вышеприведенный офиціальныи отчетъ о состояніи вообще завода кн. Долгорукова мы позволяемъ себѣ дополнить нѣкоторыми деталями, намъ лично извѣстными и не лишенными интереса, въ виду новизны предпріятія, основаннаго прежде всего на предположеніи, что киргизская матка представляетъ собою довольно податливый матеріалъ для скрещиванія и выведенія лошадей съ наружностью, подходящею къ формамъ отца, и предназначаемыхъ, конечно, не для заводовъ, а для совершенно опредѣленной, иной дѣятельности, напримѣръ въ войскахъ. На землѣ, уступленной киргизами кн. Долгорукову, кромѣ собственно завода, производится посѣвъ пшеницы въ большихъ размѣрахъ. Съ самаго начала существованія завода княземъ построено множество отличныхъ зданій съ необходимыми пристройками; особенное вниманіе обращаютъ на себя зданія конскаго завода, канюшни, загоны, манежъ и помѣщенія для прислуги; вообще говоря, заводъ по наружному осмотру поставленъ превосходно и видимо обладаетъ всѣми необходимыми средствами для рациональнаго веденія начатаго дѣла на основаніи современной науки и выводовъ практики.

На заводѣ кн. Долгорукова обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что всѣ матки—киргизской породы, къ тому же весьма посредственнаго сорта. По принятому на заводѣ порядку, обыкновенно, на мѣновомъ дворѣ, въ трехъ верстахъ отъ Оренбурга, или у мѣстныхъ заводчиковъ, приобрѣтаются множество кобылъ; послѣ произведенной сортировки, лучшія предназначаются для скрещиванія, а худшія для хозяйственныхъ надобностей; матки, по истеченіи одного, двухъ, много трехъ лѣтъ, послѣ замѣны ихъ новыми экземплярами, продаются вмѣстѣ съ другими кобылами. Порядокъ этотъ, представляя быть можетъ нѣкоторыя выгоды въ хозяйственномъ отношеніи, едва-ли можетъ оправдаться съ точки зрѣнія заводско-технической. Само собою разумѣется, что хотя приведенные отзывы о заводѣ кн. Долгорукова не могутъ имѣть значенія послѣдняго о немъ слова, могутъ во всякомъ случаѣ служить выраженіемъ впечатлѣнія, вынесеннаго изъ посѣщенія и подробнаго осмотра учрежденія, дальнѣйшее существованіе и процвѣтаніе котораго должно, въ скоромъ будущемъ, рѣшить спорный вопросъ о рациональности скрещиванія киргизскихъ матокъ съ породистыми азіатскими жеребцами при условіяхъ выращиванія приплода по образцу киргизскому.

Изъ проектовъ къ улучшенію степнаго коневодства мы остано-

вима на двухъ, представленныхъ на усмотрѣніе и рѣшеніе высшаго правительства въ 1874—1878 гг.; первый, преслѣдуя интересы исключительно меркантильные, поданъ съ цѣлью заручиться матеріальною правительственною поддержкою; второй, оставляя вопросъ о практическомъ осуществленіи предлагаемыхъ мѣръ, въ смыслъ приобрѣтенія необходимыхъ средствъ, на второмъ планѣ, занять, главнымъ образомъ, тщательнымъ разборомъ степнаго коневодства и его насущныхъ потребностей, въ связи съ вопросомъ о мѣрахъ къ рациональному улучшенію этой отрасли народного хозяйства.

Первый изъ помянутыхъ проектовъ поданъ еще въ 1876 г. въ министерство государственныхъ имуществъ. Авторъ записки находитъ, что, въ случаѣ большой потребности въ лошадяхъ, удовлетворить ее окажется весьма затруднительнымъ, такъ что въ силу необходимости придется рано или поздно прибѣгнуть къ коневодству юго-восточныхъ окраинъ Россіи, т. е. къ коневодству башкирскихъ, киргизскихъ и калмыцкихъ табуновъ, которые, по числу своему, могли бы вполне обезпечить требованія большой арміи; но, по мнѣнію составителя записки, всѣ лошади приведенныхъ кочующихъ ордъ, къ сожалѣнію, непригодны ни для какой службы и поэтому нуждаются въ существенномъ улучшеніи; въ чемъ это улучшеніе должно заключаться и какъ усовершенствовать степную породу лошадей — объ этомъ въ запискѣ не упоминается. Идея улучшеннаго степнаго коневодства, по мнѣнію составителя записки, осуществима не иначе, какъ учрежденіемъ товарищества степнаго коневодства въ Оренбургѣ. Хотя и по предположенію товарищество это должно располагать извѣстными болѣе или менѣе широкими средствами, авторъ, тѣмъ не менѣе, находитъ нужнымъ правительственное содѣйствіе не только нравственное, но и матеріальное, въ видѣ денежной субсидіи для первоначальнаго обзаведенія и потребнаго подъ заводъ количества земли. Была ли эта записка разсмотрѣна и обсуждена подлежащимъ начальствомъ — намъ неизвѣстно; но мѣстная администрація, во всякомъ случаѣ, не была спрошена по этому дѣлу. Затѣмъ остановимся на второй запискѣ, поданной г. Б., изучавшимъ степное коневодство на мѣстѣ и предлагающимъ мѣры къ улучшенію вообще степной расы лошадей. Названный проектъ хотя и не получилъ дальнѣйшаго движенія изъ Тургайскаго областного правленія, куда былъ переданъ на заключеніе, заслуживаетъ, тѣмъ не менѣе, полнаго вниманія въ виду компетентности автора, также и того, что высказанные въ немъ взгляды, не лишенные, намъ кажется, добросовѣстной разработки и объективности, раздѣляются многими изъ мѣстныхъ коневодовъ.

Г. Б. смотритъ на степь, какъ на главнѣйшій, въ скоромъ будущемъ, источникъ ремонтнированія арміи лошадьми и поэтому полагаетъ, что вопросъ о рациональномъ степномъ коневодствѣ, въ смыслѣ устраненія тѣхъ недостатковъ въ киргизской породѣ, которые до сихъ поръ служили препятствіемъ эксплуатаціи богатыхъ коневыхъ средствъ степи въ потребность военного министерства, заслуживаетъ серьезнаго вниманія. По его мнѣнію, цѣль улучшенія степной расы должна заключаться, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы увеличить ростъ лошадей, измѣнить ея короткую шею на болѣе пригодную для строевой кавалерійской ѣзды на мундштукѣ и, наконецъ, выработать особый сортъ вожовой лошади. Малорослость, по мнѣнію автора, зависитъ частью отъ суроваго воспитанія жеребятъ, лишенныхъ свободы и достаточно обильнаго питанія въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, частью отъ отсутствія зерноваго корма въ годовомъ возрастѣ и, наконецъ, частью отъ свойствъ самой породы.

Авторъ утверждаетъ далѣе, что на основаніи правилъ рациональнаго коннозаводства, вполне примѣнимыхъ къ киргизской породѣ лошадей, съ цѣлью увеличенія роста и облагороженія формъ, оказывается, что жеребецъ имѣетъ вліяніе на образованіе поверхности тѣла, особенно головы, ушей, шеи, хвоста, переднихъ и заднихъ ногъ, а кобыла — на образованіе боковъ, поясницы, крестца и внутренности. Согласно сему можно недостатки одной породы замѣнять совершенствами другой, съ условіемъ, однакоже, чтобы отецъ и мать были породистыя, а не случайныя лошади; чѣмъ выше и старѣе порода, тѣмъ она вѣрнѣе передаетъ свой типъ и качества потомству, тогда какъ случайныя качества въ потомство не передаются; худшая порода, оплодотворяемая хорошою породою, превращается современемъ въ лучшую и, наоборотъ, хорошая порода, оплодотворяемая дурною, приходитъ въ упадокъ. Отъ жеребца высокой крови, несомнѣннаго племени, при кобылѣ хотя и иноплеменной породы приплодъ удерживаетъ характеръ отца; такимъ образомъ, посредствомъ нѣсколькихъ генераций, приплодъ можетъ совершенно утратить материнскія свойства и въ концѣ концовъ улучшится порода.

Сила лошади, при здоровомъ состояніи всѣхъ частей тѣла, говоритъ авторъ, зависитъ отъ роста, ширины, правильнаго сложенія, плотности костей, упругости жилъ и отъ величины мускуловъ. Рѣзвость лошади зависитъ, кромѣ всего сказаннаго относительно ея силы, еще отъ легкости корпуса, энергіи нервовъ, развитія дыхательныхъ органовъ и отъ длины костей, входящихъ въ составъ верхнихъ частей ея ногъ. Чѣмъ лошадь массивнѣе, тѣмъ она сильнѣе, но менѣе рѣзва,

а чѣмъ легче, тѣмъ менѣе въ ней силы, но за то болѣе рѣзвости. Увеличить силу насчетъ уменьшенія скорости гораздо легче, чѣмъ наоборотъ. Первое можетъ быть произведено въ продолженіе двухъ генерацій, т. е. въ восемь-десять лѣтъ, тогда какъ на получение рѣзвости въ рысистыхъ, а тѣмъ болѣе въ скаковыхъ лошадяхъ, надо значительно большій промежутокъ времени.

Сопоставляя особенности киргизской породы лошадей съ правилами рациональнаго коннозаводства, г. Б. приходитъ къ заключенію, что улучшеніе степной породы представляетъ задачу вполне достижимую и можетъ быть осуществлено черезъ снабженіе киргизовъ-коневодовъ хорошими рослыми производителями, самостоятельныхъ породъ, двухъ различныхъ сортовъ: а) упряжного для выработки возовой (а не экипажной) лошади, годной для сельско-хозяйственныхъ работъ, для возки тяжестей, въ военный обозъ и въ артилерійскую запряжку, и б) верхового, для выработки, изъ нынѣшней киргизской лошади, типа верхового, отвѣчающаго требованіямъ нашей кавалеріи.

Затѣмъ, говоритъ г. Б., являются вопросы: на какихъ собственно породахъ останавливаться для выбора производителей, съ указанною выше цѣлью? Какими способами и мѣрами можно достигнуть такого снабженія киргизовъ производителями, при которомъ можно было бы ожидать, что притокъ производительной крови будетъ въ киргизскихъ табунахъ обилень и довольно продолжителень? Развивая эти вопросы, авторъ находитъ, что при разрѣшеніи перваго изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія обстоятельства: 1) ни въ Оренбургскомъ, ни Туркестанскомъ краѣ, ни въ сосѣднихъ съ разсматриваемыми степями областяхъ нѣтъ достойныхъ производителей ввозоваго сорта; 2) хорошая башкирская лошадь, сосѣдка киргизской, хотя по складу и лучше послѣдней, въ смыслѣ ввозовой лошади, страдаетъ общимъ недостаткомъ, свойственнымъ степной породѣ, — малорослостью и видимо мельчаетъ сама; 3) снабженіе киргизовъ производителями изъ извѣстныхъ породъ тяжеловозовъ, европейскихъ, было бы непрактично, какъ потому, что такіе жеребцы не перенесли бы суровой степной зимы и лѣтней обстановки, такъ и потому еще, что они слишкомъ великорослы и широки, для относительно небольшой киргизской лошади. Сдѣлавъ затѣмъ бѣглый очеркъ Оренбургскаго государственнаго коннаго завода, авторъ приходитъ къ заключенію, что на немъ нѣтъ представителей хорошаго ввозоваго сорта, но полагаетъ возможнымъ выработать таковыхъ, выбравъ для этого имѣющихся на заводѣ и у башкиръ хорошихъ, башкирской породы, кобылъ, а къ нимъ подобрать соответствен-

ныхъ жеребцовъ возоваго-упряжнаго сорта, съ заводовъ государственныхъ (¹).

Обращаясь затѣмъ къ вопросу о выборѣ производителей для улучшенія киргизской лошади верховаго сорта, авторъ, на основаніи указаній опыта, надлежаще оцѣненнаго самими киргизами, и принимая во вниманіе общее недовѣріе послѣднихъ къ кровнымъ лошадямъ, воспитываемымъ на заводахъ въ Европѣ и Россіи, приходитъ къ заключенію, что лучшими и желательными для указанной цѣли производителями должны быть признаны кровные восточные аргамаки, преимущественно туркмены. Переходя затѣмъ къ рассмотрѣнію лучшихъ способовъ снабженія киргизовъ производителями для улучшенія ихъ породы лошадей, г. Б. находитъ, что было бы желательно пріобрѣсти, на счетъ казны, примѣрно отъ 30—40 кровныхъ аргамаковъ, раздать часть ихъ на руки, подъ отвѣтственность, съ извѣстными обязательствами, болѣе богатымъ и любящимъ лошадь киргизскимъ табуновладѣльцамъ; изъ остальной же части образовать разсадникъ производителей улучшенной верховой киргизской лошади, подобравъ къ нимъ соотвѣтствующее количество хорошихъ кобылицъ адаевскихъ, чиклинскихъ и ордынскихъ, полагая примѣрно отъ 120—150 кобылъ на 10 жеребцовъ; приплодъ, по достиженіи имъ четырехлѣтняго возраста, продавать, по стоимости содержанія лошади въ разсадникѣ, однимъ киргизамъ, съ обязательствомъ не продавать таковыхъ жеребцовъ отнюдь никому, исключая киргизовъ же коневодовъ, для какой цѣли обдумать и установить цѣлесообразныя правила.

Засимъ авторъ возбуждаетъ вопросъ о мѣстѣ расположенія проектируемаго разсадника, также и о томъ, кому и на какихъ основаніяхъ слѣдуетъ раздавать пріобрѣтаемыхъ казною кровныхъ аргамаковъ; для этого онъ предлагаетъ выработать указанія при содѣйствіи людей какъ отъ администраціи, такъ и отъ киргизовъ, изъ числа болѣе развитыхъ, хорошо знающихъ условія степнаго быта. Теоретическое рѣшеніе вопроса относительно выбора мѣста для разсадника, по мнѣнію г. Б., сводится къ тому, чтобы обезпечить его обильными лугами и удовлетворительнымъ, согласно потребности, водопоемъ, — для каковой цѣли окажутся

(¹) Какъ выше упомянуто, Оренбургскій государственный конный заводъ упраздненъ въ 1881 г., и поэтому практическое осуществленіе нынѣ мысли автора черезъ посредство этого завода выводить производителей возоваго сорта неосуществимо, почему мы ограничиваемся лишь передачею основной мысли автора, не касаясь подробностей его проекта; но, признавая взглядъ автора, въ данномъ случаѣ, вѣрнымъ, предоставляемъ себѣ право, въ концѣ настоящей замѣтки, вновь затронуть этотъ вопросъ, въ виду возникшей въ 1883—1884 гг. въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ мысли о принятіи мѣръ къ улучшенію упряжнаго сорта лошадей въ предѣлахъ войска.

много привольныхъ мѣстъ въ Илецкомъ или Николаевскомъ уѣздахъ Тургайской области. При устройствѣ разсадника, въ проектѣ указывается на необходимость задаться цѣлью поставить такъ связать главнѣйшимъ условіемъ, чтобы кобылы и воспитывающійся заводскій приплодъ, молодякъ, содержались почти такъ же, какъ и нынѣ содержатся лошади у киргизовъ въ табунахъ, съ тебеневкою во время зимы, но съ тѣми ограниченіями этого суроваго быта, которыя разрушительно дѣйствуютъ на киргизское коневодство.

Заключительный выводъ г. Б. сводится къ слѣдующему: степныя области Тургайская и Уральская представляются мѣстностью, самую природою указанною для естественнаго коневодства, въ громадныхъ размѣрахъ. По нормальному ходу развитія населенія и земледѣлія на западѣ и югѣ Россіи, всѣ тамошніе источники естественнаго коневодства должны сокращаться, тогда какъ надолго еще киргизскому коневодству суждено сохранить значеніе источника, первенствующаго въ Россіи по богатству, могущему приумножиться количествомъ и качествомъ коневыхъ средствъ. Хотя и въ прилинейныхъ раіонахъ можно ожидать со временемъ перехода киргизовъ изъ кочеваго въ осѣдлое состояніе, тѣмъ не менѣе киргизы южныхъ полосъ областей обречены природою навсегда быть кочевымъ народомъ, у котораго единственнымъ источникомъ существованія должно быть скотоводство вообще и коневодство въ особенности. Улучшить киргизскую лошадь, по заявленію автора, можно и слѣдуетъ, но исключительно въ смыслѣ увеличенія роста, съ сохраненіемъ отличныхъ ея качествъ, имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду выработку не одного верховаго сорта, но также рабочаго и воеваго сорта. Если-бы оказалось затруднительнымъ приобрести покупкою потребное число кровныхъ аргамаковъ, можно было бы, заключаетъ авторъ, въ виду соотвѣтствія донской лошади, также калмыцкой, по условіямъ воспитанія, при значительномъ сравнительно съ киргизскою лошадыю ростѣ выбрать и изъ этихъ породъ производителей изъ самыхъ лучшихъ жеребцовъ. О кавказскихъ жеребцахъ, хотя и очень кровныхъ, авторъ не упоминаетъ, потому что они большею частью малорослы.

Вышеприведенныя основы улучшеннаго степнаго коневодства, проектируемыя г. Б., съ точки зрѣнія принципа, теоретически, такъ сказать, разсуждая, сходятся, во всякомъ случаѣ въ главныхъ чертахъ, съ мнѣніями, болѣе распространенными по этому предмету между ревнителями и знатоками степнаго коневодства. Примѣненіе же проекта г. Б. на практикѣ отчасти осуществилось устройствомъ завода князя Долгорукова, хотя и не въ столь обширныхъ размѣрахъ и съ нѣкоторыми ограниченіями и особенностями, въ зависимости отъ нѣкоторыхъ особенно-

стей предпріятія и условій обстановки. Само собою разумѣется, пріемы, предлагаемые г. Б. для улучшенія степнаго коневодства, также взгляды его на это дѣло, какъ вообще всякаго рода людскія затѣи и предположенія, имѣютъ своихъ антагонистовъ; но разбирать здѣсь различные проекты, основанные лишь на однихъ предположеніяхъ, иногда болѣе гадательнаго свойства, чѣмъ критикуемыя мнѣнія, не рѣшаемся уже потому, что это завело бы насъ слишкомъ далеко, и мы все-таки не исчерпали бы предмета во всей подробности. Степное коневодство, его потребности и средства, которыми оно располагаетъ для дальнѣйшаго своего процвѣтанія, настолько поверхностно разработаны, что нѣтъ возможности при настоящемъ положеніи этого дѣла, въ хаосѣ различныхъ мнѣній и предположеній, придти къ какому либо положительному заключенію. Поэтому, ограничиваясь изложеніемъ фактической стороны дѣла, мы предоставляемъ компетентнымъ въ настоящемъ вопросѣ читателямъ судить о пользѣ и цѣлесообразности предлагаемыхъ г. Б. мѣръ, къ поднятію, въ обширномъ смыслѣ этого слова, естественнаго коневодства въ табунахъ племенъ и ордъ, кочующихъ въ нашихъ заводжскихъ, зауральскихъ и азіатскихъ степяхъ.

Изъ мѣръ, принимавшихся администраціею, въ видахъ улучшенія киргизской породы лошадей, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія: во Всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1872 годъ военный губернаторъ Тургайской области указалъ на необходимость изъ киргизской породы выработать рабочую лошадь, годную для перевозки тяжестей. Развивая въ своемъ отчетѣ эту мысль, военный губернаторъ призналъ полезнымъ назначать состязательныя испытанія въ разныхъ мѣстахъ области лошадей киргизской породы съ выдачею призовъ хозяевамъ тѣхъ животныхъ, которыя останутся побѣдителями по силѣ и крѣпости въ перевозкѣ тяжестей; независимо отъ этого, военный губернаторъ призналъ желательнымъ и весьма полезнымъ содѣйствіе Оренбургскаго государственнаго коннаго расадника въ дѣлѣ улучшенія типа киргизской лошади. Возбужденные тургайскимъ губернаторомъ вопросы, по разсмотрѣніи ихъ въ совѣтѣ главнаго управленія государственнаго коннозаводства, не встрѣтили должнаго сочувствія и были принципиально лишь отчасти одобрены. Однакоже возбужденные мѣстнымъ начальствомъ новыя воопросы дали, такъ сказать, толчекъ къ болѣе быстрому на первыхъ порахъ, въ смыслѣ всесторонняго обсужденія, направленію дѣла. Изъ производившейся между Тургайскимъ областнымъ правленіемъ и главнымъ управленіемъ государственнаго коннозаводства переписка выяснилось, что киргизы-коневоды относятся вообще весьма несочувственно ко всякаго рода попыткамъ улучшенія ихъ породы лошадей; раз-

личнаго рода правительственныя предположенія всегда встрѣчались съ извѣстнымъ недовѣріемъ; киргизамъ почему-то кажется, что всѣ правительственныя предложенія скрываютъ за собою какія-то цѣли, выгодныя лишь для правительства. Такъ, на предложеніе тургайскаго губернатора пріобрѣтать на свои средства производителей рабочаго сорта и вообще для улучшенія мѣстной породы никто изъ коневодовъ не отозвался, подѣ тѣмъ предлогомъ, что приплодъ отъ этой смѣси не будетъ въ состояніи выносить климатическія условія страны и удовлетворять вообще тѣмъ требованіямъ отъ лошадей, которымъ въ столь широкихъ размѣрахъ удовлетворяютъ степныя лошади.

Главное управленіе государственнаго коннозаводства, признавая воздѣйствіе правительства къ улучшенію степнаго коневодства безусловно необходимымъ, асигновало на выставки и возовыя испытанія, въ городѣ Оренбургѣ и Троицкѣ, по 200 рублей; преміи эти назначались ежегодно съ 1875 по 1877 годъ; въ іюлѣ же 1877 года главное управленіе государственнаго коннозаводства нашло возможнымъ уступить для киргизовъ Николаевскаго и Илецкаго уѣздовъ ежегодно шесть жеребцовъ изъ Оренбургскаго разсадника на опредѣленныхъ условіяхъ, каковой порядокъ продолжался до окончательнаго упраздненія разсадника. Согласно заявленію князя Долгорукова, командированнаго въ 1876 году для изслѣдованія степнаго коневодства, главное управленіе государственнаго коннозаводства, вполнѣ сознавая великое значеніе степнаго коневодства въ смыслѣ подходящаго матеріала для снабженія кавалеріи строевыми лошадьми, признало нужнымъ, въ видѣ предварительной мѣры, устроить случной пунктъ въ Тургайской области изъ жеребцовъ кавалерійскаго типа, преимущественно стрѣлечкихъ. Однакоже случной пунктъ въ концѣ концовъ въ Тургайской области не былъ устроенъ, такъ какъ это, по заключенію мѣстнаго начальства, признано было нецѣлесообразнымъ, а жеребцы, предназначавшіеся въ производители, розданы были киргизамъ на такихъ условіяхъ, на какихъ уступались ежегодно упомянутые выше шесть жеребцовъ киргизамъ Николаевскаго уѣзда.

Обращаемся теперь къ новѣйшимъ мѣрамъ, принятымъ правительствомъ для улучшенія степной породы лошадей на нашихъ юго-восточныхъ и восточныхъ окраинахъ, укажемъ вмѣстѣ съ тѣмъ вкратцѣ на тѣ соображенія, которыя навели правительство на мысль эксплуатировать широкія коневыя средства кочующихъ на указанныхъ выше окраинахъ народовъ для удовлетворенія все болѣе и болѣе возрастающей потребности арміи въ прочныхъ и недорогихъ лошадяхъ.

Производство ремонтной лошади, сосредоточенное до сихъ поръ преимущественно въ Домской области, въ Новоросійскомъ краѣ и на Кав-

казѣ, замѣтно сокращается съ каждымъ годомъ, не будучи въ силахъ, по своей сравнительной малоодоходности, конкурировать съ овцеводствомъ, земледѣльствомъ и другими видами сельско-хозяйственной промышленности. Происходящій на нашихъ глазахъ процессъ постепеннаго упадка верховаго коневодства въ Европейской Россіи, вызываемый всѣмъ ходомъ нашей экономической жизни и потому неустрашимый, побудилъ главное управленіе государственнаго коннозаводства отнестись съ полнымъ вниманіемъ къ изслѣдованію коневодства нашихъ инородцевъ-кочевниковъ, видя въ немъ новый и въ недалекомъ будущемъ вѣроятно единственный источникъ пріобрѣтенія дѣльной и недорогой кавалерійской лошади. Особое значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ коневодство киргизовъ, населяющихъ безпредѣльные степныя пространства отъ Оренбурга и Орска вплоть до Аральскаго моря.

Произведенными въ 1884 и 1885 годахъ изслѣдованіями выяснено, что киргизское коневодство въ количественномъ отношеніи представляетъ богатый и, можно сказать, неисчерпаемый на многіе годы матеріалъ; но матеріалъ этотъ, въ его настоящемъ первобытномъ видѣ, не можетъ дать лошадей, пригодныхъ для военнаго дѣла; съ другой же стороны, опыты скрещиванія киргизскихъ кобылъ съ жеребцами улучшенныхъ породъ наглядно показали, что отъ такого скрещиванія нерѣдко въ первомъ же поколѣніи получается приплодъ, вполне отвѣчающій всѣмъ требованіямъ отъ кавалерійской лошади. Слѣдовательно, при умѣломъ и настойчивомъ веденіи дѣла, киргизское коневодство можетъ вполне обезпечить нашу армію лошадьми; но для этого, прежде всего, необходимо предоставить въ распоряженіе кочевниковъ достаточное число жеребцовъ-производителей и дать имъ осязательныя доказательства выгоды отъ производства улучшенной лошади.

Соображаясь съ ограниченными размѣрами бюджета главнаго управленія, не позволяющими привлечь сразу всю обширную киргизскую степь въ районъ дѣйствій этого управленія, признано было необходимымъ начать первыя попытки улучшенія киргизской лошади съ кочевниковъ, обитающихъ въ юго-восточныхъ степяхъ Европейской Россіи, именно въ Оренбургской и Астраханской губерніяхъ, Уральской и Тургайской областяхъ. Съ этою цѣлью въ 1885 году открыты: одна заводская конюшня, съ комплектомъ въ 50 жеребцовъ въ г. Оренбургѣ и два отдѣленія заводскихъ конюшенъ—одно въ г. Уральскѣ, на 30 жеребцовъ, и другое въ урочищѣ Истай-Уткуль, Илецкаго уѣзда Тургайской области, въ центрѣ зимовокъ киргизскихъ кочевниковъ. Последнее отдѣленіе съ 1887 года преобразовано въ самостоятельную заводскую конюшню со штатомъ въ 60 производителей.

Учрежденіе степныхъ конюшенъ представляетъ первый опытъ непосредственнаго воздѣйствія правительства на улучшеніе коневодства кочевниковъ.

Коннозаводскія учрежденія, помѣщенные на Уралѣ, въ первый же годъ своей дѣятельности, не смотря на новизну дѣла и множество встрѣченныхъ на мѣстѣ затрудненій, дали результаты, не оставляющіе желать, на первыхъ порахъ существованія конюшенъ, ничего лучшаго. Однакоже главное управленіе государственнаго коннозаводства не могло не обратить вниманія и на то обстоятельство, что большинство степей между Волгою и Ураломъ, по нѣкоторымъ неблагоприятнымъ условіямъ почвы, не соотвѣтствуютъ вполне широкимъ предначертаніямъ, вошедшимъ въ основаніе задуманнаго плана. Безспорно, лучшая часть мѣстности между Волгою и Ураломъ—бывшій Оренбургскій край, затѣмъ, кочевья астраханскихъ калмыковъ самые подходящіе для развитія табуннаго коневодства, но эти мѣстности представляютъ въ настоящее время всѣ тѣ же особенности, которыя свойственны нашимъ губерніямъ земледѣльческимъ и вообще культурнымъ: какъ извѣстно, бывшій Оренбургскій край заселяется множествомъ переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній. Этотъ пришлый народъ, благодаря выгоднымъ условіямъ климата и почвы, съ успѣхомъ занимается земледѣліемъ, прогрессивно развивая его все болѣе и болѣе; поэтому есть, слѣдовательно, достаточно оснований предполагать, что въ близкомъ будущемъ весь этотъ край будетъ занятъ многочисленнымъ земледѣльческимъ населеніемъ, который, не подлежитъ сомнѣнію, своею дѣятельностью нанесетъ коневодству чувствительный ударъ и со временемъ окончательно уничтожитъ его. Кавалерійскій ремонтъ, даваемый въ настоящее время калмыцкимъ коневодствомъ Астраханской губерніи, простирается всего до 500—600 лошадей и, къ сожалѣнію, можно предполагать, что и этотъ, нынѣ столь скромный по своимъ размѣрамъ, источникъ, въ недалекомъ будущемъ окончательно иссякнетъ. Степи, занимаемыя уральскими казаками, а также Букеевской ордою, представляютъ, безспорно, много удобства для развитія табуннаго коневодства на болѣе или менѣе продолжительное время, но по размѣрамъ занимаемыхъ лошадей могутъ имѣть значеніе лишь второстепенное въ ряду другихъ одновачественныхъ съ ними мѣстностей. Поименованныя выше окраины хотя и дадутъ не малое число лошадей, нѣкимъ образомъ не могутъ считаться надежнымъ постояннымъ источникомъ коневыхъ средствъ, и поэтому, въ виду замѣтнаго упадка коневодства на Донѣ, о чемъ выше упоминается, и въ другихъ мѣстностяхъ, нынѣ снабжающихъ армію ежегодными ремонтами, вопросъ объ обезпеченномъ, прочномъ ремонтѣ-

рованіи нашей кавалеріи слѣдуетъ считать далеко не разрѣшеннымъ въ смыслѣ положительномъ. При такихъ условіяхъ главное управленіе государственнаго коннозаводства обратило свое вниманіе на тѣ мѣстности, гдѣ съ искони вѣковъ табунное коневодство велось и ведется въ широкихъ размѣрахъ.

Въ мѣстностяхъ киргизской степи, прилегающихъ къ такъ называемой новой Оренбургской линіи, государственное коннозаводство предполагаетъ начать улучшеніе породы лошадей въ направленіи, отвѣчающемъ производству ремонтной кавалерійской лошади. Какъ сказано въ началѣ настоящей замѣтки, порода киргизскихъ лошадей обращаетъ на себя заслуженное вниманіе быстротою бѣга, крѣпостью статей, а главнымъ образомъ замѣчательною выносливостію. Благодаря полученному суровому воспитанію, киргизская лошадь способна выдерживать всѣ климатическія условія, безкормицу и безводіе, не теряя способности совершать значительные, непостижимые понятію европейца, переходы; лошади этой породы самымъ нагляднымъ образомъ, неоднократно, доказывали, что онѣ при самыхъ тяжелыхъ климатическихъ условіяхъ, продолжительныхъ и неимовѣрныхъ лишеніяхъ, оставались относительно свѣжими и годными къ работѣ. Обладая столь неоцѣненными качествами, лошадь эта приобрѣла громкую извѣстность и знатоками всегда предпочиталась прочимъ породамъ лошадей. Всѣ степныя области располагаютъ массою такихъ отличнѣйшихъ, надежнѣйшихъ лошадей, созданныхъ, конечно, не для удовлетворенія потребностей роскоши или прихоти, а насущныхъ нуждъ практической жизни, въ особенности обитателя степи. Киргизская порода и всѣ варианты этой породы представляютъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, вполне подходящий и податливый матеріалъ для своего усовершенствованія, съ тою, конечно, оговоркою, чтобы въ основаніе дѣла улучшенія положены были начала, не грѣшашія противъ принциповъ рациональнаго степнаго коневодства, также выработанныхъ практикою правилъ и приѣмовъ. Почвенныя условія киргизской степи безусловно располагаютъ къ разведенію въ обширныхъ размѣрахъ всѣхъ видовъ скотоводства, и поэтому, съ полною увѣренностію не впасть въ ошибку, можно утверждать, что эти необозримыя пространства съ пользою могутъ быть эксплуатируемы для обезпеченія въ полныхъ размѣрахъ потребностей арміи въ лошадяхъ, тѣмъ болѣе, что современное коневодство въ степи, вообще говоря, чрезвычайно слабо развито и поэтому можетъ еще значительно прогрессировать; вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ основаній предполагать, что хлѣбопашество среди киргизскаго населенія, въ скоромъ будущемъ, разовьется до размѣровъ способныхъ вытѣснить коневодство.

Представивъ читателямъ очеркъ степнаго коневодства, современное его положеніе и принятія правительствомъ мѣры къ улучшенію степной породы лошадей, считаемъ не лишнимъ, прослуживъ въ Оренбургскомъ войскѣ болѣе 10-ти лѣтъ, въ заключеніе настоящей статьи коснуться вопроса объ улучшеніи коневыхъ средствъ казачьяго населенія помянутаго войска, имѣя при этомъ въ виду современное значеніе улучшеннаго коневодства не только по отношенію къ Оренбургскому войску, но и нѣкоторымъ другимъ казачьимъ войскамъ, поставленнымъ съ нимъ, въ зависимости отъ географическаго положенія, также и культурнаго прогресса, въ условія болѣе или менѣе одинаковыя.

Современное слабое развитіе въ Оренбургскомъ войскѣ земледѣльческой промышленности, обуславливаемое изолированностью положенія войсковыхъ земель, а также совершеннымъ недостаткомъ въ ближайшихъ окрестностяхъ бывшаго Оренбургскаго края промышленныхъ центровъ, какъ нельзя болѣе способствуетъ развитію коневодства и въ недалекомъ будущемъ, не подлежитъ, намъ кажется, сомнѣнію, независимо отъ значенія улучшеннаго коневодства въ отношеніи отправляемой казаками военной службы на собственныхъ лошадяхъ и сельско-хозяйственныхъ нуждъ, эта отрасль промышленности, при надлежащемъ ей усовершенствованіи, могла бы весьма легко достигнуть степени самостоятельнаго коммерческаго предпріятія, служа тогда существеннымъ подспорьемъ къ поднятію матеріальнаго благосостоянія самаго населенія, лишеннаго, до поры до времени, возможности съ выгодною для себя эксплуатировать обладаемая имъ естественныя преимущества въ смыслъ благопріятныхъ условій почвы и климата.

Со времени образованія войска, оренбургскіе казаки пріобрѣтали себѣ лошадей какъ для потребностей военной службы, такъ и для домашнихъ и сельско-хозяйственныхъ работъ у своихъ ближайшихъ сосѣдовъ—башкиръ и киргизовъ; лошади эти, отличаясь сносливостью и неизбалованностью, при крайне ограниченной стоимости, вполне отвѣчали условіямъ жизни казаковъ и поэтому покупались ими охотно и предпочтительно передъ другими лошадьми. По настоящее время эти двѣ породы рѣзко выдѣляются въ общей массѣ коневаго войскаго населенія, образуя двѣ самостоятельныя расы. Отъ этихъ двухъ породъ, также отъ калмыцкихъ лошадей ставропольскихъ казаковъ, водворенныхъ въ 1841 г. на войсковыхъ земляхъ, русскихъ лошадей переселенцевъ и ближайшаго крестьянскаго населенія образовались помѣси, изъ которыхъ большая половина утратила типичность и драгоцѣнныя качества степной лошади и поэтому для военной службы оказываются, сравнительно, менѣе пригодными. Исправный казакъ, снаряжаясь на

службу, всегда старается имѣть подъ свое сѣдло киргизскую лошадь, насколько это лишь зависитъ отъ него самого, зная впередъ, что эта лошадь будетъ ему вѣрнѣйшимъ другомъ въ трудной походной и боевой жизни; на этой же лошади онъ разсчитываетъ возвратиться домой; изъ такъ называемыхъ доморощенныхъ лошадей (помѣси) далеко не всѣ выдерживаютъ степные походы и службу въ полкахъ. Положительно извѣстно, что наибольшая смертность въ полкахъ, служащихъ въ Туркестанѣ, бываетъ именно между этими лошадьми; случается даже такъ, что нѣкоторые изъ нихъ съ трудомъ переносятъ степной походъ, а при неблагоприятныхъ условіяхъ, выражающихся въ дурной водѣ, недостаткѣ подножного корма, падаютъ до прихода къ мѣсту назначенія. Всякому, знающему оренбургскаго казака, извѣстно, что онъ не любитель лошадей въ настоящемъ смыслѣ этого слова; мало того, рѣдкій изъ нихъ вполне и сознательно проникнутъ убѣжденіемъ важнаго въ казачьемъ быту значенія лошади и, не смотря на то, что скотоводство составляетъ главнѣйшую статью дохода и одинъ изъ крупнѣйшихъ элементовъ казачьяго хозяйства и благосостоянія, лишь предусмотрительный и разсчетливый хозяинъ думаетъ про черный день; большинство, не заботящееся о будущемъ, безпечно относится къ насущнымъ своимъ нуждамъ. Изъ опыта населенію хорошо извѣстны гибельныя послѣдствія нерѣдко повторявшихся неурожаевъ травъ, но эти тяжелые уроки скоро забываются и, по прежнему, сѣно заготавливается на годовую пропорцію; накосить больше, въ видѣ запаса, не вошло еще вполне въ привычку. Это равнодушіе, эта беззаботность о будущемъ, безъ сомнѣнія, качество не врожденное, а, надо полагать, выработалось скорѣе искусственно, подъ вліяніемъ примѣра кочующихъ сосѣднихъ племенъ. Къ этому надо замѣтить, что лошадей у казаковъ всегда было, сравнительно говоря, много и временной недостатокъ въ нихъ, будучи въ крайнемъ случаѣ легко восполняемъ пріобрѣтеніемъ, по дешевой цѣнѣ, у киргизовъ и башкиръ, всегда готовыхъ продавать своихъ лошадей, не могъ поставить казачье населеніе въ такое безвыходное положеніе, въ какое поставлена бываетъ крестьянская семья, потерявъ свою кормиллицу. Объ улучшеніи породы своихъ лошадей въ смыслѣ пріобрѣтенія продукта болѣе цѣннаго, казаки никогда не заботились и, какъ увидимъ впослѣдствіи, отнеслись весьма апатично, даже недовѣрчиво, къ принятымъ съ этою цѣлью, войсковою администраціею, мѣрамъ. Равнодушіе это покажется съ перваго взгляда, быть можетъ, страннымъ; но если мы вникнемъ въ обстановку этого дѣла, то многое выяснится. Въ казачьемъ быту не было достаточно сильныхъ побудительныхъ причинъ къ улучшенію степной породы лошадей; казакъ вполне

счастливъ, если его лошадь, обладая необходимыми качествами для военной службы, вмѣстѣ съ тѣмъ годна для сельско-хозяйственныхъ работъ и притомъ, по своей цѣнѣ, доступна его средствамъ. Этими условіямъ удовлетворяютъ башкирская и киргизская лошади, отчасти доморощенный приплодъ; тѣ и другія обходятся ему не дорого. Для продажи казакъ обыкновенно не держитъ лошадей, уже потому, что сбытъ ихъ до послѣднихъ временъ былъ скорѣе случайный, чѣмъ постоянный; цѣны же на лошадей кочевниковъ на ярмаркахъ настолько не высоки, что устраняютъ возможность конкуренціи; разводить лошадей улучшенныхъ породъ, дорого стоящихъ, было бы, за неимѣніемъ обезпеченнаго сбыта ихъ, еще болѣе рискованнымъ. Не смотря на столь невыгодныя условія для развитія улучшеннаго коневодства среди казачьяго населенія, правительство и войсковая администрація тѣмъ не менѣе задавались серьезно цѣлью поднять казачье коневодство. Принятая въ данномъ направленіи мѣра, степень ихъ развитія и достигнутые результаты заслуживаютъ серьезнаго вниманія, и поэтому считаемъ не лишнимъ, въ сжатомъ видѣ, помѣстить очеркъ конно-заводскаго дѣла въ войскѣ, имѣя при этомъ въ виду, что тридцатилѣтнее существованіе войскового завода и разсадника навѣрное дастъ намъ полезныя практическія указанія при разрѣшеніи весьма важнаго въ казачьемъ быту вопроса—объ изысканіи средствъ къ рациональному и прочному улучшенію казачьяго коневодства, съ условіемъ однакоже, чтобы эти улучшенныя лошади обошлись казакамъ не дороже нынѣшнихъ и не вызывали преждевременнаго увеличенія цѣнъ на лошадей въ предѣлахъ войска, впредь, по крайней мѣрѣ, до надлежащаго развитія коневодства и поднятія его до степени самостоятельной отрасли промышленности.

Въ видахъ улучшенія породы лошадей въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1831 года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ отправленіи въ войско изъ Починовскаго и другихъ казенныхъ заводовъ 14 кровныхъ жеребцовъ и кромѣ того двухъ аргамаковъ, изъ числа подаренныхъ бухарскимъ эмиромъ Государю Императору; этотъ царственный даръ послужилъ ближайшимъ поводомъ учрежденія войскового коннаго завода. Лишь въ 1832 г., въ мартѣ мѣсяцѣ, войсковой заводъ былъ окончательно устроенъ на избранной мѣстности, въ 65-ти верстахъ отъ г. Оренбурга, на Общемъ Сыртѣ, и поступилъ подъ управленіе войскового офицера при 14 чел. казаковъ, въ качествѣ прислуги; расходы по устройству и содержанію завода покрывались деньгами, пожертвованными жителями, коихъ къ концу 1831 г. собрано было 2307 р. 50 к. Въ составъ завода вошло 14 кровныхъ жеребцовъ и 148 матокъ, преимущественно башкирской по-

роды, въ томъ числѣ 115 матокъ, пожертвованныхъ войсковыми обывателями. Изъ практиковавшихся тогда при заводѣ порядковъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія правила случки и сортировки лошадей: къ жеребцамъ, испытаннымъ въ силѣ оплодотворенія, допускались матки, приблизительно сходственныя съ ними по наружнымъ формамъ, и часть матокъ меньшаго противъ нихъ роста; къ жеребцамъ малорослымъ—матки на половину большаго роста и на половину меньшаго роста; жеребята семи мѣсяцевъ отбирались отъ матокъ, а изъ приплода составлялись особые табуны: 1) изъ жеребчиковъ отъ 1—5 лѣтъ; 2) изъ кобылъ отъ 1—4 лѣтъ; всѣ остальные кобылы распределялись на косяки по числу жеребцовъ и выпускались съ ними на два мѣсяца для произвольной случки, а потомъ жеребцовъ убирали въ конюшни; матки же соединялись въ одинъ табунъ съ кобылками, жеребчиковъ холостили черезъ пять лѣтъ; кобылки назначались въ матки на пятый годъ; въ этомъ же возрастѣ дѣлалась сортировка лошадей, изъ коихъ первоклассныя оставлялись на заводѣ, второклассныя поступали въ станичные табуны, а остальные продавались казакамъ для службы и работъ.

По истеченіи 8—9 лѣтъ существованія завода выяснилось, что приплодъ отъ изнѣженныхъ производителей, преимущественно годовики и двухлѣтки, подвергались болѣзнямъ и между ними смертность была наибольшая. Въ 1837 г. приобретено было покупкою производителей: съ Дона четыре, съ Кавказа 3 и 2 аргамака; но, къ сожалѣнію, всѣ они, какъ оказалось впоследствии, были съ пороками и поэтому не могли служить къ улучшенію завода. До 1842 г. заводъ былъ на столько жалко обставленъ, что не доставало даже необходимаго помѣшенія для приплода, вслѣдствіе чего администрація нашла себя вынужденною подарить казакамъ до 194 лош., но въ этомъ же году приступлено было въ возведенію необходимыхъ построекъ, съ отнесеніемъ стоимости расхода, въ размѣрѣ 7142 р. 85⁵/₇ к., на войсковой счетъ. Не смотря на наружные, по видимому вполне удовлетворительные, результаты, войсковой заводъ не внушалъ къ себѣ надлежащаго довѣрія въ смыслѣ достиженія той цѣли, для которой онъ былъ учрежденъ; между тѣмъ расходы на содержаніе завода изъ года въ годъ прогрессивно возрастали. Таковой отзывъ компетентныхъ людей и самыхъ войсковыхъ жителей, по всей вѣроятности, побудилъ командира отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса въ концѣ 1842 года предложить войсковому начальству обсудить вопросъ: не лучше ли принять систему случныхъ конюшенъ, упразднивъ заводъ, и затѣмъ учредить въ предѣлахъ войска отъ 2—4 случныхъ пунктовъ. Но наказный атаманъ не раздѣлялъ

мнѣнія о пользѣ случныхъ конюшенъ и указалъ въ своемъ донесеніи на нѣкоторые существенныя неудобства практическаго примѣненія упомянутой мысли.

Войсковое начальство, обсудивъ вопросъ о болѣе рациональныхъ способахъ къ улучшенію породы казачьихъ лошадей, пришло къ тому заключенію, что выгоднѣе всего было бы побуждать казаковъ къ заведенію конно-плодовыхъ табуновъ, снабдивъ для этой цѣли станицы хорошими производителями; таковое свое мнѣніе мѣстное начальство мотивировало тѣмъ соображеніемъ, что при обширности войсковой территоріи и раскинутости на ней казачьихъ поселеній большей половиной жителей приходилось бы дѣлать значительные переѣзды для привода матокъ къ случнымъ пунктамъ, что было бы обременительно для нихъ въ виду неизбежныхъ при этомъ денежныхъ расходовъ и траты дорогаго весенняго времени; къ тому же содержаніе нѣсколькихъ случныхъ пунктовъ вышло бы въ общей сложности дороже стоимости коннаго завода. Вмѣстѣ съ тѣмъ войсковое начальство ходатайствовало, въ видахъ процвѣтанія табуннаго у казаковъ коневодства, о разрѣшеніи снабжать, ежегодно, въ теченіе 6—8 лѣтъ, станичныя табуны отъ 100 до 130 производителями изъ породъ донскихъ, горскихъ, киргизскихъ и калмыцкихъ, съ отнесеніемъ расхода въ 10—20,000 руб. на войсковыя суммы, съ возвратомъ впослѣдствіи отъ тѣхъ хозяевъ, которымъ достались производители. Ходатайство объ оставленіи коннаго завода въ его прежнемъ видѣ было уважено, но въ производители въ станичныя табуны предложено было назначить изъ приплода коннаго завода, что по тогдашнему составу его оказалось, на практикѣ, исполнѣе осуществимымъ. На заводѣ находилось: жеребцовъ-производителей 27; матокъ—292; жеребчиковъ 5 лѣтъ—37; 4 лѣтъ—47; 3-хъ лѣтъ—87; 2-хъ лѣтъ 137; одного года—82 и сосуновъ—102; кобыловъ 3-хъ лѣтъ—57; 2-хъ лѣтъ—105, одного года 92, сосуновъ 89; жеребцовъ неспособныхъ для приплода 6, мериновъ 17, а всего 1177 лощ. Такимъ образомъ, конный заводъ, безъ всякаго для себя стѣсненія, могъ снабжать ежегодно станичныя табуны 50 и болѣе производителями. Въ видахъ возможно полнаго достиженія приведенной выше цѣли, войско-вой конный заводъ проектировалось нѣсколько расширить, вслѣдствіе чего, въ началѣ 1844 г., послѣдовало разрѣшеніе военнаго совѣта расходовать до 2000 р. на приобрѣтеніе лучшихъ матокъ черноморскихъ или горскихъ.

Однакоже за принятыми различными мѣрами къ поднятію завода и поддержанію его значенія для войска, дѣло это, тѣмъ не менѣе, отнюдь не подвигалось впередъ, —напротивъ, результаты какъ въ коли-

чественномъ, такъ и качественномъ отношеніяхъ получались все худшіе и худшіе. Убѣдившись окончательно въ малой практической пользѣ, приносимой войсковымъ коннымъ заводомъ, командиръ корпуса въ 1848 году вошелъ съ представленіемъ объ упраздненіи его и о принятіи системы случныхъ конюшенъ, мотивируя свое ходатайство вполне удовлетворительными результатами земскихъ случныхъ конюшенъ, передъ тѣмъ открывшихся въ предѣлахъ Оренбургской губерніи. Дѣйствительно, въ 1847 года съ Высочайшаго соизволенія «къ вѣщему развитію мѣстной промышленности, умноженію производительныхъ силъ земледѣлія и къ обезпеченію на болѣе твердои основаніи ремонтированія кавалеріи лошадьми», въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Россіи, въ томъ числѣ и Оренбургской учреждены были земскія случныя конюшни; въ Оренбургскую губернію для этой цѣли было отправлено 60 жеребцовъ для случки. О дѣятельности этихъ случныхъ конюшенъ за 1848 годъ мы имѣемъ слѣдующія данныя: къ случкѣ жеребцовъ въ гг. Уфѣ, Бугурусланѣ, Бугульмѣ и Челябинѣ приведено было кобылъ помѣшниковъ 1,278, крестьянъ: казенныхъ—1,029; удѣльныхъ—111; помѣщичьихъ—318; купеческихъ—214; разнаго званія—1,157; всего 4,107 лошадей.

Составленъ былъ проектъ о войсковомъ конномъ рассадникѣ и случайной конюшнѣ, который въ іюнѣ 1850 года былъ утвержденъ, въ видѣ опыта, на пять лѣтъ, въ предположеніи, что въ теченіе этого времени практика укажетъ: слѣдуетъ-ли заводъ оставить на принятыхъ основаніяхъ или въ чемъ либо измѣнить, или вовсе уничтожить. Положеніе это было введено съ 1851 года и изъ 820 лошадей оставлено на заводѣ шесть жеребцовъ и 40 матокъ, а на случайной конюшнѣ 40 жеребцовъ; изъ остальныхъ лошадей, часть была продана казакамъ по умѣреннымъ цѣнамъ, остальные розданы имъ же безвозмездно. Случные жеребцы по происхожденію были: съ государственныхъ заводовъ шесть: съ Дона и Кавказа—14, аргамакъ—1; съ башкирскихъ заводовъ—11, остальные 8 выбраны были изъ приплода. Для случекъ назначались четыре пункта, по возможности центральные, какъ въ отношеніи населенія, такъ и пространства, а именно: г. Оренбургъ, ст. Полоцкая, Михайловская и Эткульская; пункты эти, проектированные лишь на первое время, предполагалось, въ зависимости отъ увеличенія населенія и заселенія новыхъ мѣстностей, измѣнять черезъ каждые три-четыре года; жеребцовъ, по 10-ти на каждый пунктъ, положено было употреблять въ случку пять мѣсяцевъ, отъ 15-го февраля по 15-е іюля. Содержаніе центрального случайнаго пункта, по штатамъ, исчисленно было въ 5,245 руб. 17 коп. въ годъ. Въ 1852 году рассадникъ и

случная конюшня переведены были на Верхнеуральскую дачу, въ шести верстахъ отъ этого города, въ виду часто повторявшихся случаевъ распространения эпизотій между лошадьми войсковыхъ табуновъ, заражавшимися отъ прогоняемаго скота на первоначальномъ мѣстѣ, черезъ которое пролегалъ почтовый и скотопригонный трактъ. Вскорѣ по перемѣщеніи завода на новое мѣсто, возникшее еще въ 1850 году сомнѣніе въ здоровьи лошадей окончательно подтвердилось; дѣйствительно, специалисты пришли къ заключенію, что въ крови многихъ лошадей укоренились наследственные болѣзни; пришлось продать всѣхъ сомнительныхъ лошадей, а взаменъ ихъ приобретены были другія, такъ что заводъ и случная конюшня лишь къ концу 1853 года преобразованы были на новыхъ, нѣсколько иныхъ началахъ. Но и это преобразование, какъ видно изъ официальныхъ донесеній, не приносило ожидавшагося результата, и въ 1859 году войсковое начальство не только признало бесполезнымъ дальнѣйшее существованіе конскаго разсадника и случной конюшни, но находило непрактичною и самую мысль учрежденія завода вблизи киргизскаго населенія, богатаго лошадьми, доступными по цѣнамъ и подходящими вполне къ требованіямъ казачьей службы.

Эти обстоятельства, изложенныя въ представленіи мѣстнаго начальства, послужили непосредственнымъ основаніемъ ходатайства генералъ-адъютанта Катенина объ упраздненіи коннаго разсадника и случной конюшни; на это представленіе послѣдовало надлежащее разрѣшеніе въ январѣ мѣсяцѣ 1861 года.

Итоги дѣятельности войскового коннаго завода, весьма назидательныя по своему существу, сводятся къ слѣдующему: войсковою конный заводъ, основанный въ 1832 году и переформированный въ 1851 г. въ случную конюшню и конскій разсадникъ, состоя какъ первоначально, такъ и впослѣдствіи изъ жеребцовъ преимущественно великороссійскихъ заводовъ, въ 28-ми-лѣтній періодъ своего существованія давалъ приплодъ, который поступалъ почти исключительно на укомплектованіе самаго завода, и лишь въ небольшомъ количествѣ отдавался безвозмездно войсковымъ обывателямъ для фронта и въ станичныя конно-плодовые косяки, а также за деньги казакамъ и постороннимъ лицамъ. Въ 1851 году заводъ преобразованъ былъ въ конскій разсадникъ и случную конюшню, имѣя въ первомъ среднемъ числѣ шесть жеребцовъ и 77 матокъ; во второй—39 жеребцовъ.

Производители, хотя и цѣнные, и высокой крови, не давали, однакоже, подходящаго приплода, что вѣрнѣе всего вызвано было неточнымъ соблюденіемъ выработанныхъ практикою правилъ раціональнаго конно-

заводства, заключающихся въ испытаніи заводскихъ лошадей, выѣздѣ ихъ, сортировкѣ жеребцовъ и кобылъ. Конечно, исполнѣ точныхъ и всегда вѣрныхъ правилъ для удачной сортировки лошадей не существуетъ, а тутъ чаще всего приходится дѣйствовать болѣе чутьемъ, инстинктомъ, нежели на основаніи осязательныхъ фактовъ; подобная особенность не дается всякому, и въ коннозаводскомъ дѣлѣ, къ сожалѣнію, результатъ бываетъ крайне печальный отъ неправильной сортировки; произведенія получаютъ съ наслѣдственными пороками и недостатками, безъ типа или характера своего сорта, такъ что много лошадей оказываются двусмысленнаго высокоцѣннаго, но малогоднаго сорта, отъ которыхъ всякій покупатель-знатокъ отказывается. Подобное случилось какъ разъ съ приплодомъ войскового коннаго завода; онъ вышелъ на видъ статный, красивый, но оказался мало развитымъ въ тѣхъ частяхъ тѣла, которыя служатъ несомнѣннымъ признакомъ силы, выносливости и быстооты; поэтому приплодъ коннаго завода не могъ соответствовать ни условіямъ казачьей службы, ни требованіямъ домашней жизни казаковъ. При этомъ необходимо оговорить, что даже при самой рациональной постановкѣ этого дѣла въ войскѣ едва-ли приплодъ отъ завода въ состояніи былъ въ скоромъ времени улучшить породу казачьихъ лошадей, придавъ имъ какой либо иной, болѣе красивый, типъ, если примемъ во вниманіе ограниченное количество заводскаго приплода по сравненію съ приплодомъ отъ коневодства войсковыхъ обывателей.

Разбирая вопросъ о коннозаводскомъ дѣлѣ въ войскѣ и приѣмахъ его практическаго примѣненія, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ войскового начальства, что самая идея учрежденія завода на началахъ, положенныхъ въ основаніе этого дѣла, была нерациональна и не согласовалась съ общою обстановкою того времени. Дѣйствительно, если даже допустить, что заводъ въ состояніи былъ распространить свою породу между казачьими лошадьми, то едва-ли и въ этомъ случаѣ можно было ожидать существенной пользы, уже потому, что, благодаря принятой на заводѣ системѣ воспитанія, приплодъ вышелъ изнѣженный, не отвѣчающій требованіямъ казачьей службы; затѣмъ, при выборѣ производителей, не обращено было вниманія на то, весьма важное обстоятельство, что они должны были соединять въ себѣ всѣ лучшія качества киргизской расы, другими словами должны быть родственной ей породы. Принятіе системы случныхъ конюшенъ нисколько не улучшало дѣла; напротивъ, есть основаніе предполагать, что конный заводъ первоначальнаго устройства давалъ лучшіе результаты; къ такому заключенію приводятъ по крайней мѣрѣ слѣдующіе факты: съ 1852—1855 г. на всѣхъ случныхъ пунктахъ было 69 жеребцовъ; къ случкѣ приведено было каза-

ками 1626 матокъ; изъ нихъ принесли плодъ 443 матки, затѣмъ остальные 1183 матки вышли холостыми. Сравнивая эти результаты ручной случки съ результатами табунной или косячной случки, казая была на бывшемъ конномъ заводѣ, мы убѣждаемся въ преимуществахъ табунной случки; въ продолженіе 11 лѣтъ случено было, въ общей сложности, съ 214 заводскими жеребцами 2265 матокъ, изъ которыхъ жеребились 1554; осталось холостыми 711 матокъ. Затѣмъ, обстановка крайне не благопріятствовала преуспѣянію коннозаводскаго дѣла: заводу приходилось такъ сказать конкурировать съ природою; среди казаковъ на войсковой территоріи кочевало до 8,000 кибитокъ киргизовъ, для которыхъ вся цѣль жизни заключалась въ разведеніи многочисленныхъ табунновъ; лошади ихъ, воспитываясь при крайне тяжелыхъ условіяхъ, съ раннихъ лѣтъ привыкали къ холоду, зною и различнаго рода лишениямъ и такимъ путемъ приобретали незамѣнимыя въ казачьемъ быту качества, коими отличаются киргизскія лошади. Если къ этому прибавить, что по своей цѣнѣ эти лошади были вполне доступны средствамъ казаковъ, то неудивительно, что большая половина казаковъ 12-ти полковъ и 3-хъ батарей, выставлявшихся тогда войскомъ для службы, имѣли киргизскихъ лошадей; лишь весьма незначительный $\%$ оказался башкирской породы или изъ доморожденныхъ. Приплодъ же коннаго завода вышелъ очень дорогой, что видно изъ слѣдующаго разсчета: ежегодная стоимость содержанія разсадника и случной конюшни, считая $\%$ на затраченный капиталъ, содержаніе штата завода, также доходъ, который бы могъ получиться отъ земли, состоявшей подъ заводомъ, доходила до 16,310 руб.; ежегодный же приплодъ отъ разсадника и случной конюшни среднимъ числомъ равнялся, отъ перваго 42, отъ второй 368, всего 410 жеребцовъ. Слѣдовательно до появленія въ свѣтъ, каждый жеребенокъ обошелся въ 40 руб., тогда какъ башкирская или киргизская лошадь, вполне годная для службы продавались за 20—30 руб., лучшіе же экземпляры этихъ породъ рѣдко оцѣнивались свыше 50—60 руб. Если мы примемъ въ разсчетъ ежегодную убыль въ лошадяхъ, то конечно годовой расходъ на содержаніе завода выходилъ еще значительнѣе; о количествѣ павшихъ лошадей дають понятіе слѣдующія данныя: съ 1833—1850 г. пало лошадей: жеребцовъ 28; мериновъ 10; кобылъ 145; жеребятъ 640 головъ, всего 823 лошади; между тѣмъ обороты завода были весьма скромны, что видно изъ того, что за приведенное время продано не болѣе 161 лошади, всего на сумму 7,834 р. 45 к. (въ этотъ разсчетъ не вошли тѣ 194 лошади, о которыхъ уже упомянуто было, уступленные казакамъ въ первые года устройства завода по самой низкой цѣнѣ).

Въ концѣ 50-хъ годовъ въ войскѣ уже было довольно большое число охотниковъ до коневодства; въ войсковыхъ обывательскихъ табунахъ насчитывалось до 1,417 жеребцовъ (въ этомъ числѣ всего 5 жеребцовъ изъ приплода коннаго завода, остальные производители были башкирской или киргизской породы). Населеніе не особенно довѣряло принятой на войсковомъ заводѣ системѣ воспитанія приплода, и въ этихъ соображеніяхъ казаки-коневоды выращивали своихъ лошадей по образцу киргизскому, убѣдившись изъ своей походной жизни, что подобно выдержанныя лошади не находятъ себѣ соперниковъ и неопѣнными при условіяхъ казачьей службы.

Остается въ нѣсколькихъ словахъ упомянуть о мѣрахъ, принятыхъ войсковою администраціею для улучшенія и размноженія лошадей, собственно у жителей. Съ 1840 г. по образцу войска донскаго заведены были конно-плодовые табуны въ станицахъ. Въ эти табуны давались сначала жеребцы изъ приплода войскаго коннаго завода; но, къ сожалѣнію, при выборѣ этихъ производителей не обращалось должнаго вниманія на ихъ качества, и нерѣдко они выбирались изъ числа назначенныхъ ежегодно въ продажу вслѣдствіе недостатковъ или пороковъ; при подобномъ отношеніи къ этому дѣлу, жительство коневодство едва-ли могло процвѣтать, скорѣе можно было ожидать обратныхъ результатовъ, что и подтвердилось отчасти на практикѣ.

Въ 1851 г. по инициативѣ войскаго начальства, мѣры имѣ рекомендуемыя для улучшенія житейскихъ табуновъ приняли обязательный для всѣхъ характеръ, причемъ было сдѣлано распоряженіе, чтобы въ каждой станицѣ, по общественнымъ приговорамъ, жители были раздѣлены на три разряда: первый—богатые; второй—посредственнаго состоянія и третій—бѣдные; въ каждомъ разрядѣ должны были составить товарищества изъ 12 человекъ и каждое товарищество 1-го разряда имѣть собственныхъ матокъ и по одному производителю; товарищества 2-го разряда должны были имѣть собственныхъ матокъ, а на приобрѣтеніе производителей могли рассчитывать на пособіе; товарищества же 3-го разряда получили пособіе на приобрѣтеніе матокъ и производителей. Станичные табуны ввѣрены были особымъ, избраннымъ обществами, смотрителямъ изъ урядниковъ или казаковъ, которымъ производилось опредѣленное содержаніе въ размѣрѣ: отъ 1,000 душъ и болѣе 150 р., отъ 1,000—500 душъ—110 р., отъ 500 и менѣе душъ—60 р. Пособіе полагалось оказывать ссудою денегъ за умѣренные проценты изъ общественныхъ или войсковыхъ суммъ, съ разсрочкою уплаты на нѣсколько лѣтъ съ тѣмъ, чтобы уплата ссуды производилась подъ круговымъ ручательствомъ каждаго товарищества, изъ денегъ, ожидав-

шихся отъ продажи приплода. Раздѣленіе на разряды дѣйствительно состоялось и одновременно, въ большинствѣ станицъ, было сдѣлано распоряженіе изъ общественныхъ суммъ, необходимыхъ средствъ для приведенія проекта въ исполненіе. Но въ дѣйствительности во многихъ станицахъ покупка жеребцовъ не состоялась, такъ какъ определенная на это сумма была слишкомъ ничтожна и не было возможности на асигнованныя средства пріобрѣтать производителей, отвѣчающихъ тѣмъ условіямъ, которыя отъ нихъ требовались. Этимъ и окончилось предположенное преобразование житейскихъ табуновъ въ станицахъ; хотя табуны и продолжали существовать, но къ улучшенію породы лошадей никакихъ мѣръ болѣе уже принимаемо не было.

Извѣстно, что между многими ревнителями коннозаводскаго дѣла осуществленіе идеи улучшеннаго степнаго коневодства черезъ посредство азіатскихъ производителей высокой крови присвоило себѣ права гражданства, не смотря на рядъ примѣровъ, какъ разъ въ обратномъ смыслѣ. Дѣйствительно, привившіяся до сихъ поръ на почвѣ практики, въ смыслѣ изложенномъ, мѣры къ улучшенію киргизскихъ лошадей составляютъ для даннаго случая плохой прецедентъ, представляя рядъ примѣровъ отрицательнаго свойства; дѣйствительно, попытки къ улучшенію мѣстной породы лошадей въ Уральскомъ и Оренбургскомъ войскахъ черезъ кровныхъ производителей, также на Оренбургскомъ государственномъ разсадникѣ, не привели къ ожидавшимся результатамъ и въ концѣ концовъ пришлось закрыть эти учрежденія, оказавшіяся безполезными; на войсковомъ заводѣ выяснилось положительно, что лучшіе экземпляры изнѣженнаго приплода не выдерживали суроваго климата, и въ раннемъ возрастѣ околѣвали; болѣе грубые экземпляры оставались въ живыхъ, но они никоимъ образомъ не могли служить представителями улучшенной породы лошадей. Такого же мнѣнія держатся всѣ крупные мѣстные коневоды. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ испытыванія, они вполне убѣдились, что при суровыхъ мѣстныхъ климатическихъ условіяхъ какъ производители изнѣженной крови, такъ и ихъ приплодъ неизбежно гибнутъ. У адаевцевъ мы дѣйствительно встречаемъ не мало лошадей улучшенной породы отъ скрещиванія киргизской матки съ аргамками, что слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что болѣе мягкій климатъ способствуетъ выращиванію приплода. Что же касается завода вв. Долгорукаго, начавшаго, сравнительно, лишь недавно свое существованіе, то о немъ невозможно вывести какое-либо заключеніе въ смыслѣ положительномъ, а необходимо выждать дальнѣйшихъ результатовъ. Столь печальные опыты улучшенія коневодства въ предѣлахъ Оренбургскаго войска служатъ несомнѣн-

нымъ доказательствомъ нераціональности направленія и веденія этого дѣла, подъ вліяніемъ ли не вполне внимательнаго отношенія въ нему, или, быть можетъ, отсутствія правильно выработаннаго взгляда на наилучшее практическое рѣшеніе этой, безъ сомнѣнія, сложной задачи—мы не беремся рѣшать. Во всякомъ случаѣ представленныя выше всѣя данныя указываютъ на необходимость приниматься за всякія новыя попытки на этомъ поприщѣ, на первыхъ порахъ, крайне осмотрительно, не задаваться широкими цѣлями, а двигаться впередъ, такъ сказать, ощупью, и затѣмъ, на основаніи полученныхъ результатовъ и практическихъ выводовъ, исподволь расширять дѣло до желаемаго размѣра, во избѣжаніе при такомъ рѣшеніи значительныхъ и быть можетъ безвозвратныхъ матеріальныхъ затратъ, по нашему мнѣнію, не оправдываемыхъ и не вызываемыхъ крайнею необходимостью. Дѣйствительно, оренбургскіе казаки, со времени образованія войска, съ большимъ успѣхомъ совершали передвиженія и военные походы на тѣхъ же киргизскихъ лошадяхъ, на которыхъ они и нынѣ отправляютъ военную службу; врожденные и выработанныя суровымъ воспитаніемъ качества, присущія исключительно этой породѣ лошадей, вполне гарантируютъ успѣхи боевой казачьей службы на различныхъ ея поприщахъ; кромѣ того, лошади эти доступны по цѣнѣ средствамъ казаковъ,—условіе весьма важное при современномъ экономическомъ положеніи войскъ, и, конечно, въ интересахъ казаковъ было бы весьма не желательно поднимать цѣну на лошадей въ предѣлахъ войска и пограничной степи.

При такихъ условіяхъ, намъ кажется, было бы нѣсколько неосмотрительно для улучшенія породы казачьихъ лошадей немедленно, какъ о томъ рѣчь шла нѣсколько лѣтъ тому назадъ, выписывать дорого стоящихъ азіатскихъ кровныхъ производителей, удачный выборъ которыхъ на мѣстѣ и приводъ изъ отдаленнаго востока сопряжены съ большими затрудненіями и денежными затратами; въ дорогѣ и на мѣстѣ они требуютъ specialнаго ухода людей, знакомыхъ съ особенностями этой породы, иначе они, при новыхъ условіяхъ, весьма скоро гибнутъ и вмѣсто ожидаемой отъ нея пользы въ окончательномъ результатѣ приносятъ большіе убытки.

Принимая во вниманіе всѣ изложенные мотивы, мы не возбуждаемъ вопроса объ улучшеніи казачьихъ лошадей киргизской породы черезъ кровныхъ азіатскихъ производителей въ виду сомнительности или, во всякомъ случаѣ, невыясненности, въ должныхъ размѣрахъ, удобоприимлемости подобной мѣры для странъ съ суровымъ климатомъ, имѣя въ виду, что при табунномъ воспитаніи и зимнемъ тебеневаніи лошади войскаго населенія, также ихъ приплодъ, долж-

ны выдерживать и переносить всё послѣдствія этого весьма тяжелаго быта; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы вполне убѣждены и въ томъ, что само киргизское коневодство и тѣсно связанныя съ нимъ порядки, выработанные временемъ и народными традиціями, при рациональномъ направленіи дѣла вполне доступны нѣкоторымъ измѣненіямъ въ смыслѣ устраненія главнѣйшихъ, по крайней мѣрѣ, неудобствъ этого коневодства, тормозящихъ до сихъ поръ болѣе широкое эксплуатированіе этой замѣчательной расы для сельско-хозяйственныхъ нуждъ и потребностей военной службы.

Недостатки, приписываемые киргизской лошади, сводятся, главнымъ образомъ: во-1-хъ, къ малому росту и, во-2-хъ, отсутствію статности красивыхъ формъ, наконецъ, въ 3-хъ, въ земледѣльческомъ быту за киргизскою лошадыю признають мало силы для возки тяжестей.

Обращаясь къ системѣ воспитанія киргизскихъ лошадей, при условіяхъ степнаго косячнаго коневодства, не трудно убѣдиться въ томъ, что косячное коневодство по простотѣ ухода и надзора за лошадьми и, слѣдовательно, несомнѣнной дешевизнѣ выращиванія приплода, представляетъ существенныя неудобства въ смыслѣ порчи расы; изъ этихъ недостатковъ нѣкоторые вызываются извѣстными условіями, свойственными кочевому быту, и поэтому едва-ли представляютъ препятствія къ ихъ искорененію; другіе же, составляя прямое и неизбежное послѣдствіе косячнаго коневодства, представляютъ существенныя затрудненія, чтобы не сказать болѣе, для совершеннаго ихъ устраненія. Изъ причинъ, вредно вліяющихъ на степное коневодство, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія:

1) Случка слишкомъ молодыхъ жеребчиковъ и кобылицъ, когда организмы ихъ еще не развились и не окрѣпли. Обстоятельство это неустранимо въ косячномъ коневодствѣ, потому что кобылы находятся постоянно вмѣстѣ съ жеребцами, а между тѣмъ отъ ранней случки, надо полагать, порода портится и мельчаетъ.

2) Раннее выкладываніе жеребчиковъ (годовалыхъ и двухлѣтнихъ) отчего, конечно, портится лошадь; но въ данномъ случаѣ порча эта не можетъ вредно отзываться на расѣ, а лишь на тѣхъ экземплярахъ, которые подвергаются холощенію, теряющихъ отъ этого въ цѣнности.

3) Выдаиваніемъ матокъ жеребята лишаются надлежащаго питанія, что, конечно, вредно вліяетъ на потомство; замѣчается даже уже къ осени, что жеребята становятся худы и значительно отстають въ ростѣ отъ жересятъ тѣхъ матерей, которыхъ не доятъ; къ этому необходимо замѣтить, что лошади нерѣдко до крайности изнуряются во время послѣднихъ зимнихъ мѣсяцевъ, въ зависимости отъ болѣе

или менѣе удовлетворительнаго состоянія кормовъ въ степи съ осени предъидущаго года.

4) Жеребыя матки, во время гололедицы прихватывая ледъ вмѣстѣ съ травой, выкидываютъ жеребятъ, такъ что иногда отъ этого погибаетъ не малый процентъ прироста.

5) Ызда на молодыхъ лошадяхъ взрослыхъ людей, что иногда практикуется въ степи,—впрочемъ, скорѣе въ видѣ исключенія. Въ степи существуетъ обычай начинать ѣздить на двухлѣтнихъ жеребятъ, на которыхъ сажаютъ 10-ти—12-ти-лѣтнихъ мальчиковъ; обычай этотъ настолько же полезенъ, насколько окажется вреднымъ по своимъ послѣдствіямъ: непомѣрному обремененію спины лошадей, въ особенности съ раннихъ лѣтъ; но тщательныя наблюденія привели къ заключенію, что ѣзда мальчиковъ на молодыхъ лошадяхъ не только не имѣетъ никакого дурнаго вліянія на дальнѣйшее ихъ развитіе, но, напротивъ, служить къ укрощенію нрава лошади, укрѣпленію спины и ногъ.

6) Не обращается никакого вниманія на подборъ хорошихъ производителей: условіе, составляющее безспорно одну изъ слабѣйшихъ сторонъ киргизскаго коневодства.

7) Ко всѣмъ вышесказаннымъ недостаткамъ степнаго коневодства съ вредными для него качественными и количественными послѣдствіями необходимо прибавить еще разрушительное вліяніе скудости иногда подножнаго корма, гололедицы и бурановъ, отъ которыхъ погибаетъ невѣроятно большое количество лошадей, о чемъ, впрочемъ, выше оговорено; употребленіе конскаго мяса въ пищу, составляющаго лакомство киргизовъ, способствуетъ также, хотя и въ меньшей степени, къ уменьшенію числа лошадей.

Въ общихъ чертахъ мы описали главнѣйшіе недостатки, свойственные киргизскому коневодству, и, намъ кажется, не трудно согласиться съ тѣмъ, что, при условіяхъ оскѣдой жизни и раціональномъ веденіи степнаго коневодства, всѣ они могутъ быть устранены; поэтому есть основаніе предполагать, что въ новомъ поколѣніи, родившемся и выросшемъ при иныхъ, болѣе благопріятныхъ, условіяхъ, окажутся не мало экземпляровъ улучшенной расы. Въ видѣ примѣра можно указать на то обстоятельство, что у адаевскихъ киргизовъ лошади значительно рослѣе и выносливѣе, потому что адаевцы, вопреки принятому вообще у киргизовъ порядку, не доятъ своихъ кобылъ до изнуренія; уже это одно обстоятельство замѣтно вліяетъ на улучшеніе породы, не смотря да дурныя травы ихъ кочевковъ на Усть-Уртѣ. Существеннымъ условіемъ успѣха улучшенія степной породы лошадей является, безспорно, выборъ хорошихъ производителей. Киргизы же при обстановкѣ коче-

вой жизни въ этомъ отношеніи поставлены въ крайне невыгодныя условія уже потому, что нѣтъ такихъ породъ улучшенной расы, которыя бы выдержали суровую зиму на тебеневкѣ; кромѣ того, производители не киргизской породы оказались бы плохими охранителями своихъ косяковъ, составляющихъ основу киргизскаго табуннаго коневодства. Поэтому казалось бы, что степное коневодство можно бы было, какъ уже выше пояснено, значительно поднять и улучшать, не прибѣгая къ жеребцамъ другихъ породъ посредствомъ устройства завода или образцовыхъ косяковъ изъ тѣхъ же киргизскихъ лошадей, между которыми всегда можно найти въ небольшомъ количествѣ складныхъ, плотныхъ, легкихъ и довольно красивыхъ жеребцовъ; съ хорошими киргизскими, также башкирскими матками они дали бы прекрасный приплодъ, ростомъ отъ одного до двухъ вершковъ. Въ болѣе рослыхъ лошадяхъ казачья кавалерія не нуждается, такъ какъ ростъ, въ смыслѣ массы, главнымъ образомъ, имѣетъ вліяніе на успѣхъ сомкнутой атаки; но казачьи части, даже въ эпоху исключительнаго предпочитанія сомкнутыхъ атакъ, рѣдко употреблялись для этой цѣли; въ наше же время на долю казаковъ могутъ выпадать атаки разсыпныя, и затѣмъ дѣйствія въ одиночномъ бою, при которыхъ легкость, поворотливость и неутомимость стоятъ на первомъ планѣ; другими словами, для подобной службы лошадь должна обладать извѣстною рѣзвостью, свойственною легкимъ, а не массивнымъ лошадямъ; поэтому добиваться отъ казачьей лошади роста выше 2-хъ аршинъ не желательно. Если выводить лошадей на основаніяхъ здѣсь вышеизложенныхъ, то, конечно, не достигалась бы та красота формъ, о которой мечтаютъ ревнители улучшенной киргизской породы, черезъ азійскихъ производителей; но, казалось бы, для даннаго случая наружная красота едва ли можетъ имѣть существенное значеніе и должна оставаться на второмъ планѣ; казачья кавалерія никогда не брала своимъ наружнымъ видомъ; красота формъ при условіяхъ боевой службы казаковъ, сопровождающейся большими лишеніями, недостаткомъ корма и ухода, весьма скоро утрачивается—тѣмъ быстрее, чѣмъ лошадь породистѣе.

Примѣняясь къ выраженному выше взгляду на улучшеніе киргизской лошади въ зависимости отъ требованій казачьей строевой службы, въ войсковомъ штабѣ Оренбургскаго казачьяго войска составленъ былъ въ 1883—1884 гг. проектъ простѣйшаго способа возможно быстрого распространенія улучшенной породы лошадей между войсковымъ населеніемъ; проектъ этотъ, кромѣ дешевизны для своего практическаго осуществленія, представлялъ еще ту выгоду, что онъ не нуждался въ мелочной и постоянной административной опека, а привился бы легко

содѣйствіемъ самихъ казаковъ, что для успѣха дѣла конечно весьма важно, въ виду существовавшаго, отчасти еще существующаго, въ войскѣ легендарнаго, такъ сказать, предубѣжденія противъ всякаго рода утилитарныхъ мѣръ, принимаемыхъ администраціею, не смотря на очевидную, несомнѣнную ихъ пользу. Весь проектъ основанъ былъ, на томъ соображеніи, чтобы въ каждомъ станичномъ юртѣ устроить образцовый косякъ изъ одного жеребца-производителя и 12—15 матокъ. Жеребцовъ киргизской породы полагалось приобрѣтать покупкою, не моложе 5 и не старѣе 9 лѣтъ, безъ всякихъ пороковъ и по возможности изъ числа отличавшихся на скачкахъ; къ нимъ проектировано было избирать матокъ въ потребномъ числѣ изъ житейскихъ, киргизской породы, 4—5 лѣтъ, безъ пороковъ и по возможности утробистыхъ. Съ весны косякъ этотъ долженъ пастись на отведенномъ пастбищномъ мѣстѣ, находясь подъ наблюденіемъ надежнаго табунщика; къ осени, когда жеребецъ обгулялъ всѣхъ кобылицъ и любовный жаръ прошелъ, матки должны разбираться своими хозяевами по домамъ; жеребцы же, составляющіе общую принадлежность всего станичнаго юрта, передаются для ухода и присмотра станичнымъ правителямъ, долженствующимъ отвѣчать за ихъ сохранность и цѣлость. Расходы изъ общественныхъ суммъ на приведеніе этого проекта въ исполненіе должны были ограничиваться стоимостью жеребца производителя и его содержанія въ зимніе мѣсяцы и небольшимъ вознагражденіемъ табунщику, что въ общей сложности составило бы весьма небольшую сумму; одновременно, въ первый годъ, примѣрно отъ 300—400 руб., въ зависимости отъ стоимости производителя, а въ остальные годы—отъ 80—100 р. Такой порядокъ случки предположено было продолжать пять лѣтъ въ ряду, причемъ, полагая, что двѣ трети матокъ (minimum) дадутъ приплодъ, а одна треть кобылъ останутся холостою или преждевременно, выкинетъ, оказывается, что ежегодный приплодъ въ каждомъ косякѣ состоялъ бы изъ 10 жеребятъ, а въ 5 лѣтъ—50 жеребятъ; по числу 46 станицъ въ войскѣ приплодъ равнялся бы 2300 жеребятамъ; но изъ этого числа необходимо исключить около 7% убыли отъ падежа и несчастныхъ случаевъ, что составитъ около 160 головъ; остающійся въ живыхъ приплодъ, въ количествѣ около 2140 головъ, въ томъ числѣ до 1800 жеребцовъ, болѣе или менѣе равномерно распределенный по всему войску, послужилъ бы вполне надежнымъ основаніемъ ко всемѣстному дальнѣйшему улучшенію породы лошадей въ предѣлахъ войска; она бы улучшилась, такъ сказать, сама собою, безъ новыхъ административныхъ мѣръ. Конечно, для успѣшнаго выполненія этого проекта необходимы заботливость и надзоръ войсковой

администраціи въ смыслѣ приобрѣтенія соответствующихъ производителей, выбора вполне годныхъ матокъ, выдержки приплода и вообще точнаго исполненія подходящихъ къ этому случаю правилъ; нечего и говорить, что казаки съ охотою подчинялись бы этимъ вполне рациональнымъ необременительнымъ для нихъ требованіямъ.

Къ прямымъ мѣрамъ улучшенія конской породы слѣдуетъ еще отнести конскіе разсадники и случныя конюшни.

Въ томъ же 1883—1884 гг. предполагалось, въ видахъ возможно скорѣйшаго распространенія въ войскѣ улучшенной породы лошадей, учредить войсковой заводъ, выбравъ для этого подходящее мѣсто, по возможности въ центрѣ войсковой территоріи; дѣйствительно, устройство войскового завода на началахъ, по возможности, упрощенныхъ было бы дѣломъ не только вполне возможнымъ и не особенно обременительнымъ въ денежномъ отношеніи, но и весьма полезнымъ по могущимъ ожидать результатамъ. Служа, такъ сказать, дополненіемъ къ мѣрамъ, принимаемымъ для улучшенія лошадей житейскихъ табунныхъ, какъ сейчасъ сказано, войсковымъ начальствомъ предполагалось устроить войсковой заводъ, на первыхъ порахъ, изъ киргизскихъ производителей и матокъ, лучшихъ, конечно, представителей этой породы, съ условіемъ, чтобы въ число производителей приобрѣталось, по возможности больше, испытанныхъ скакуновъ; кромѣ того, имѣлось въ виду выписать для завода нѣсколько совершенно годныхъ подъ верхъ, испытанныхъ производителей донской породы, такъ какъ отъ скрещиванія донскихъ жеребцовъ и киргизскихъ матокъ всегда получался рослый и статный приплодъ, съ сохраненіемъ въ остальномъ качествѣ киргизской породы, что неоднократно подтверждалось на бывшемъ Оренбургскомъ государственномъ разсадникѣ; этимъ же способомъ мѣстный коневодъ Дѣевъ предполагаетъ разводить лошадей верхового сорта, которыхъ у него нынѣ, сравнительно говоря, мало. Относительно воспитанія заводскаго приплода предполагалось держаться системы, принятой у киргизовъ, чтобы приплодъ не утратилъ ни одного изъ отличительныхъ качествъ породы, съ слѣдующими однакоже ограниченіями: а) не изнурять жеребятъ выдаиваніемъ кобылицъ; б) въ суровыя зимы, или при гололедицѣ, когда самыя сильныя лошади не въ состояніи копытами пробивать ледяную поверхность, покрывающую травы, приплодъ не содержать на тебеневкѣ, а выдавать сѣно; в) жеребыхъ кобылъ равномерно не выпускать во время гололедицы на тебеневку, во избѣжаніе возможности скидыванія приплода; г) въ случку кобылъ пустить не двухъ лѣтъ, а трехъ; жеребцовъ пустить въ производители только послѣ того, какъ всѣ ихъ качества выяснились вполне продолжительнымъ испы-

таніемъ; д) для производителей, выжеребывающихся кобыль, также для больных лошадей, имѣть неприхотливыя, но вполне закрытыя отъ вѣтра помѣщенія.

На основаніи приведенныхъ соображеній проектировано было на первыхъ порахъ основать конный разсадникъ изъ 150 отборныхъ матокъ, 12—15 производителей киргизской и донской породъ; мѣстность подъ разсадникъ выбрать около Верхнеуральска, въ центрѣ войсковой территоріи, по возможности возвышенную, съ твердою каменистою почвою, при хорошихъ пастбищныхъ мѣстахъ, обиліи родниковъ-водопоевъ и въ сторонѣ отъ большой дороги. Для обезпеченія табуна отъ бурановъ и непогодъ устроить плетневые ограды, придѣлавъ крыши (загоны); на противоположныхъ концахъ ограды выстроить двѣ плетневые конюшни, обмазавъ ихъ глиною для жеребцовъ и всѣхъ матокъ, которыя вскорѣ должны жеребиться; кромѣ того, имѣть отдѣльный ветеринарный око-лодокъ для больныхъ лошадей. По мѣрѣ увеличенія заводскаго при-плода выстроить новые загоны съ навѣсами и, кромѣ того, жилия по-мѣщенія для личнаго состава служащихъ при разсадникѣ.

Въ личный составъ служащихъ полагалось включить управляющаго заводомъ и его помощника; послѣдній завѣдывалъ бы непосредственно всею прислугою; особаго ветеринарнаго врача, на первыхъ порахъ, въ штатъ не включать, а въ потребныхъ случаяхъ вызывать участковаго ветеринарнаго врача изъ Верхнеуральска; изъ ветеринарныхъ чиновъ низшаго разряда имѣть двухъ фельдшеровъ и опытнаго киргизскаго коновала, а для присмотра за лошадьми, кошенія сѣна и исполненія всякаго рода хозяйственныхъ работъ имѣть конюховъ изъ казаковъ, по наряду, полагая не менѣе 1-го челов. на 8—10 лошадей; при заводѣ имѣть постоянно не менѣе трехъ пастуховъ киргизовъ, а на зиму нанимать еще трехъ на первый годъ, увеличивая число наемныхъ пастуховъ по мѣрѣ надобности и въ зависимости отъ приращенія при-плода. Въ видахъ удешевленія стоимости содержанія разсадника и слѣдовательно приплода, предположено было впоследствии, въ виду обилія войсковыхъ земель, соединять коннозаводское дѣло съ небольшо-мъ хлѣбопашествомъ, въ размѣрахъ потребныхъ для самаго завода, а въ отношеніи употребленія лошадей въ работу составить вполне опредѣленные правила, съ указаніемъ, какихъ именно лошадей, какого возраста и т. п.

Не касаясь внутреннихъ хозяйственныхъ вопросовъ, правилъ и по-рядковъ содержанія плодовыхъ табуновъ и заводскаго приплода, въ проектѣ упоминалось лишь о томъ, что приплодъ полагался, по дости-

женіи четырехлѣтняго возраста, распредѣлить по качествамъ на три разряда: въ 1-й разрядъ зачислять жеребцовъ и кобылъ, по статьямъ и качествамъ, совершенно годнымъ для завода; во 2-й разрядъ зачислять годныхъ для службы мериновъ, также и тѣхъ жеребцовъ, которые хотя при сортировкѣ трехлѣтокъ не были выложены, но впослѣдствіи оказались негодными къ приплоду; въ 3-й же разрядъ отнести всѣхъ лошадей неспособныхъ къ первымъ двумъ назначеніямъ; въ этотъ разрядъ предположено было также отнести всѣхъ кобылъ, за исключеніемъ признанныхъ годными для завода. Изъ 1-го разряда лучшихъ жеребцовъ и кобылъ назначать для ремонтнированія войскового завода; излишнихъ же для завода жеребцовъ назначать въ станичные табуны; излишнихъ кобылъ или отдавать по оцѣнкѣ казакамъ, или же, за невякою желающихъ, продавать съ аукціоннаго торга; лошадей 2-го разряда предназначать для продажи по умѣреннымъ цѣнамъ казакамъ; за неимѣніемъ желающихъ, — съ аукціоннаго торга; при этомъ проектировалось принять за непрѣмное правило, чтобы жеребцы-производители продавались черезъ каждые три года, во избѣжаніе родства въ ближайшихъ поколѣніяхъ лошадей, такъ какъ по коннозаводскимъ правиламъ случки въ весьма близкомъ родствѣ признаются вредными для качествъ лошадей.

Для полноты изслѣдованія вопроса объ улучшеніи коневыхъ средствъ Оренбургскаго казачьяго войска, разбираемаго нами до сихъ поръ, съ точки зрѣнія производства болѣе цѣннаго верховаго сорта лошадей, намъ остается указать на средства въ улучшенію рабочаго сорта лошадей, котораго, строго говоря, въ войскѣ, по настоящее время, вовсе не имѣется. Какъ уже оговорено, за исключеніемъ весьма ничтожнаго числа русскихъ лошадей (преимущественно упряжнаго сорта), въ войскѣ существуютъ два типа лошадей: башкирской и киргизской породы. Башкирская лошадь по своему складу и темпераменту принадлежить къ упряжнымъ (не возовымъ) лошадямъ, но годится и подъ верхъ; киргизская же лошадь, наоборотъ, создана служить подъ сѣдломъ и въ крайнемъ случаѣ можетъ быть употреблена въ упряжку и для сельскохозяйственныхъ работъ — за неимѣніемъ другой; что одна хорошая русская рабочая лошадь стоитъ двухъ-трехъ киргизскихъ — это извѣстно всѣмъ мѣстнымъ помѣщикамъ. Чѣмъ же объяснить то кажущееся противорѣчіе, что лошадь, одаренная широкими костями и богатѣйшею мускулатурою, способная перевозить на своей спинѣ значительныя тяжести и притомъ на большія разстоянія, оказывается для исполненія сельско-хозяйственныхъ работъ мало пригодною. Объясняется это ближе всего тѣмъ, что хомутъ по складу костей у киргизской лошади не

можетъ лежать плотно на лопаткахъ, представляющихъ слинкомъ мало точекъ опоры, и поэтому до крайности беспокоить ее; весьма естественно, что такое неустойчивое положеніе хомута парализируетъ полезную работу мускуловъ—вотъ почему киргизская лошадь, часто выбываясь изъ силъ, изнемогая отъ усталости, рѣшительно отказывается, да и не въ состояніи, вытащить, напримѣръ, возъ изъ ямы, подняться съ возомъ на гору и т. п. Между тѣмъ, если выпречь эту же лошадь и сѣсть на нее верхомъ, она свободно сдѣлаетъ 40—50 верстъ; нерѣдко выѣзженныя въ упряжку киргизскія лошади причиняютъ бѣду ѣздающимъ на нихъ своимъ крутымъ строптивымъ нравомъ, который иногда переходитъ въ норовъ, и есть не мало киргизскихъ лошадей, которыя послѣ многихъ лѣтъ ѣзды въ экипажѣ не перестаютъ бить и метать въ стороны; обыкновенно этотъ недостатокъ приписываютъ врожденному пугливому нраву киргизской породы, который при неблагоприятныхъ условіяхъ дурной выѣздки, крутаго или неумѣлаго обращенія можетъ значительно усиливаться; что въ этомъ, быть можетъ, есть доля правды, мы не станемъ отрицать, но, тѣмъ не менѣе, полагаемъ, что малодность киргизской лошади для возки тяжестей и въ упряжкѣ слѣдуетъ отнести къ объясненной нами причинѣ. Во всякомъ случаѣ вышеприведенное о киргизской лошади подтверждаетъ наше заключеніе, что въ войскѣ, въ настоящее время, не имѣется рабочаго сорта лошадей, въ полномъ смыслѣ этого слова. Правда, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ извозничаютъ и обрабатываютъ поля волами; но волъ съ лошадыю равняться не можетъ; хотя онъ сильнѣе, но онъ работаетъ гораздо медленнѣе, чаще подверженъ повальнымъ болѣзнямъ; кромѣ того, волъ не можетъ во всѣхъ случаяхъ замѣнить лошадь, такъ какъ есть работы, къ которымъ онъ неспособенъ; наконецъ содержаніе вола въ казачьихъ хозяйствахъ обойдется дороже, чѣмъ лошади; поэтому нельзя не заключить, что лошадь представляетъ собою главную рабочую силу въ земледѣльческомъ быту. По примѣру внутреннихъ губерній войско должно позаботиться объ усовершенствованіи своего земледѣлія, слѣдующимъ традиціямъ многомиліоннаго населенія обширнаго государства. Дѣйствительно, Россія, съ давнишнихъ временъ, не безъ основанія причисляется къ странамъ земледѣльческимъ, оставаясь таковою и въ наше время, и надо полагать, что именно эта отрасль дѣятельности обезпечена за нею еще надолго; по крайней мѣрѣ нѣтъ такихъ признаковъ, которые бы дали основаніе предполагать, что даже въ болѣе отдаленномъ будущемъ произойдутъ какія-либо существенныя измѣненія въ нынѣшнемъ направленіи народнаго труда, составляющемъ особенность, характеризующую Россію. Войсковая територія, благодаря условіямъ климата и пред-

ставляемымъ ею естественнымъ преимуществамъ, располагаетъ въ широкихъ размѣрахъ всѣми необходимыми средствами для развитія земледѣльской промышленности, и поэтому, повторяемъ вновь, разведеніе хорошаго рабочаго сорта лошадей не лишено практическаго значенія. Предполагаемая нами задача вполне осуществима уже потому, что не вызоветъ большихъ затратъ; производителей рабочаго сорта можно было бы выработать на проектируемомъ войсковомъ заводѣ, выбравъ для этого 30—40 хорошихъ башкирскихъ кобылъ и соотвѣтствующее число жеребцовъ воеваго—упряжнаго сорта, съ заводовъ государственныхъ. Выработавъ на заводѣ производителей воеваго сорта, способныхъ переносить суровость мѣстнаго климата, оказалось бы возможнымъ, раздавъ ихъ казакамъ, распространить въ войскѣ рабочій сортъ лошадей. Этимъ же путемъ можно было бы снабдить и степь производителями рабочаго сорта, что принесло бы громадную пользу жителямъ степныхъ мѣстностей, исподволь перенимающихъ земледѣльческій трудъ. До послѣднихъ временъ кочующіе киргизы съ своими многочисленными стадами жили въ довольствѣ и могли почти безъ всякаго труда собирать, сохранять и вообще увеличивать свой запасъ продовольствія; однакоже въ наше время переходъ изъ этого состоянія къ земледѣльческому труду части населенія принимаетъ все большіе и большіе размѣры подъ вліяніемъ измѣнившихся обстоятельствъ, возникшихъ естественнымъ образомъ, а именно: постоянно возрастающее число людей и скота стало превосходить размѣръ продуктовъ, даваемыхъ естественными пастбищами; кочевники, убѣдившись, что земля, даже при плохой системѣ земледѣлія, дастъ гораздо больше средствъ для содержанія себя, чѣмъ доставляетъ имъ кочевое состояніе, усердно принялись за это дѣло, которое въ наше время развивается весьма быстро; киргизы прилинейные, также живущіе въ сѣверной полосѣ степной области, особенно сильно заняты дальнѣйшимъ развитіемъ своего земледѣлія, для успѣха котораго потребность въ хорошихъ рабочихъ лошадяхъ становится все болѣе и болѣе ощутительной.

Въ нашей статьѣ, помѣщенной въ Воен. Сборн. за 1884 г., мы имѣли случай помощью числовыхъ данныхъ наглядно убѣдить читателя въ грандіозности средствъ, коими казачье населеніе Оренбургскаго войска располагаетъ для развитія скотоводства вообще и одного изъ его видовъ коневодства въ особенности. Въ виду общаго упадка коннозаводской промышленности во внутреннихъ губерніяхъ, намъ кажется, что продукты улучшеннаго коневодства въ войскѣ, какъ предметъ вывоза, имѣли бы вѣрный сбытъ, служа могущественнымъ средствомъ къ поднятію

благосостоянія войсковаго населенія, чего трудно ожидать въ ближайшемъ будущемъ отъ земледѣлія.

Обширные земельные надѣлы при скудости населенія прямо вели въ хищнической системѣ земледѣлія, представляющей при первобытности и грубости приемовъ всѣ выгоды легкаго, простаго способа эксплуатаціи земли, не нуждающагося ни въ научныхъ или сложныхъ практическихъ познаніяхъ и приемахъ, ни въ улучшенныхъ, дорого стоящихъ орудіяхъ производства. О расширеніи земледѣльческой дѣятельности и увеличеніи ежегодныхъ посѣвовъ свыше собственной потребности, въ большинствѣ случаевъ не могло быть и рѣчи, за отсутствіемъ всякой возможности, даже за безцѣнокъ, сбывать лишній, за удовлетвореніемъ домашней потребности, продуктъ. Столь невыгодныя условія, въ ряду коихъ на первомъ планѣ стоитъ географическое положеніе войсковой территоріи, лучше и проще всего объясняютъ, почему познанія улучшенной земледѣльческой культуры, къ распространенію которыхъ были сдѣланы, одновременно, нѣкоторыя попытки, не привились въ войскѣ. Одна лишь административная опека и вмѣшательство въ смыслъ распространенія полезныхъ знаній, улучшенныхъ приемовъ, усовершенствованныхъ орудій и т. п. не можетъ повести къ результатамъ положительнымъ; утверждать противное значило бы совершенно игнорировать извѣстныя общественныя условія, стоящія выше индивидуальныхъ стремленій, и естественные законы всякаго прогресса на поприщахъ матеріальнаго и умственнаго, бороться противъ которыхъ было бы бесполезно; дѣйствительно, одного ума, одного желанія недостаточно: тутъ необходимы всѣ живительныя силы, не столько государственныя, сколько общественныя.

Такимъ образомъ, при современныхъ экономическихъ условіяхъ Оренбургскаго края было бы напрасно рассчитывать на извлеченіе, въ скоромъ будущемъ, надлежащей пользы изъ имѣющихся въ наличности элементовъ и естественныхъ преимуществъ, способствующихъ матеріальному прогрессу, такъ какъ реализованіе выгодныхъ условій почвы и климата обуславливается, между прочимъ, и способностями и наклонностями самаго населенія, въ которомъ, по причинамъ, общимъ всему краю, различнаго рода промышленныя побужденія плохо развиваются и поддерживаются, главнымъ образомъ, вслѣдствіе недостаточно обезпеченнаго сбыта плодовъ промышленности; съ другой стороны, всякое улучшеніе въ матеріальномъ положеніи извѣстнаго народа и общества всегда сопровождалось прилежаніемъ и энергіею труда, къ чему войсковое населеніе, строго говоря, еще не привыкло. Ограниченность потребностей при равномерномъ распредѣленіи богатства и совершенное почти отсут-

ствіе, благодаря изолированности войсковаго населенія, тѣхъ элементовъ, которые вызываютъ промышленную энергію и стремленіе къ накопленію богатства,—все это отзывается извѣстнымъ застоємъ въ матеріальномъ прогрессѣ населенія, и нѣтъ возможности путемъ примѣра поощрять дѣятельность казаковъ, съ цѣлью возбужденія въ нихъ новыхъ потребностей, экономическаго честолюбія и заботливости о будущемъ. Но если-бы удалось тѣмъ или инымъ путемъ поставить населеніе въ новыя, болѣе выгодныя матеріальныя условія, вызывающія новыя желанія и потребности, другими словами—побуждать его къ болѣе высокимъ стремленіямъ, удовлетвореніе которыхъ вызвало бы не только правильный и постоянный физическій и умственный трудъ, но и желаніе поработать для болѣе отдаленныхъ цѣлей, то нѣтъ сомнѣнія, подобный переворотъ во внутренней жизни казачьяго населенія отозвался бы благотворно на его дальнѣйшемъ развитіи на различныхъ поприщахъ человѣческаго преуспѣянія.—Поэтому, въ виду ограниченности земледѣльческой дѣятельности войсковаго населенія и плохихъ надеждъ на процвѣтаніе ея и надлежащее развитіе въ скоромъ будущемъ до степени самостоятельной отрасли промышленности, вновь повторяемъ, улучшенное коневодство, для сбыта продуктовъ его во внутреннія губерніи и въ потребность военнаго вѣдомства, основанное на раціональныхъ и прочныхъ началахъ, какъ предпріятіе меркантильное, имѣло бы для войска громадное значеніе; къ тому же, при постепенномъ общемъ улучшеніи коневодства въ войскѣ явилась бы потребность въ дальнѣйшемъ развитіи и усовершенствованіи этого дѣла: нашлись бы охотники выводить болѣе цѣнный коннозаводскій продуктъ, сбытъ котораго всегда былъ бы вполне обезпеченъ. По нашему мнѣнію, раціональнѣе всего было-бы учрежденіе, въ войсковыхъ предѣлахъ, конныхъ заводовъ изъ отборныхъ киргизскихъ матокъ и кровныхъ азіятскихъ производителей, съ условіемъ воспитанія приплода при нѣсколько иной обстановкѣ, чѣмъ у киргизовъ, а именно: полагалось бы жеребыхъ матокъ въ послѣдніе мѣсяцы содержать въ загонахъ, а приплодъ въ суровые мѣсяцы, какъ то въ декабрѣ, январѣ, а отчасти и въ февралѣ, выдерживать не на тебеневкѣ, а въ питомникахъ.

Ив. Манснеръ.